

Дмитрий ШАЛИН

Из диалогов Владимира Ядова и Дмитрия Шалина¹

С Владимиром Александровичем Ядовым я познакомился в 1967 году в Институте конкретных социальных исследований, куда меня привел Игорь Кон, мой научный руководитель, который одно время возглавлял там сектор по социологии личности и участвовал в разработке программы исследований ценностных ориентаций. После переезда Кона в Москву Ядов продолжил работу в качестве завсектором. Сначала как студент и позже как аспирант и сотрудник сектора, я принимал участие в работе семинара, занимался исследовательской работой, участвовал в сборе интервью по проекту о ценностных ориентациях инженеров. В 1975 г. я покинул Советский Союз и эмигрировал в США, где учился в аспирантуре Колумбийского университета, а затем преподавал в Университете штата Иллинойс и Университете Невады в Лас-Вегасе. С началом перестройки мои связи с Ядовым возобновились. Они стали регулярными со времени создания в 2006 г. проекта "Международная биографическая инициатива" (<http://cdclv.unlv.edu//programs/bios.html>). Летом 2010 года по моему предложению Ядов согласился начать со мной диалог по проблемам социологии, который вскоре перерос в обсуждение широкого круга проблем взаимодействия интеллигенции с властью, адаптации диалогов к меняющимся режимам, современной политической ситуации в стране. Приводимые ниже диалоги даются в хронологическом порядке. Они несколько сокращены, главным образом за счет технических коммуникаций,

¹ Дмитрий Николаевич Шалин учился в Ленинградском государственном университете, окончил аспирантуру Института конкретных социальных исследований и защитил диссертацию в 1973 г., после чего работал в ленинградских секторах Института социологии. В 1975 г. эмигрировал в США, где окончил аспирантуру Колумбийского университета. С 1991 г. профессор Университета Невады в Лас-Вегасе и директор Центра демократической культуры. Шалин – соучредитель проекта "Международная биографическая инициатива", директор "Архивов Ирвинга Гофмана", редактор серии публикаций "Социальное здоровье Невады". Его научные интересы включают работы по философии прагматизма, демократической культуре, интеракционистской социологии, социологии эмоций и биокритической герменевике (см. <http://www.unlv.edu/people/dmitri-shalin>).

связанных с координацией наших планов. Купюры отмечены знаком <...>. Я глубоко признателен сотрудникам Левада-Центра за готовность предоставить страницы журнала для этой публикации.

Дмитрий Шалин
Лас-Вегас, 5 декабря 2015 г.

* * * *

July 3, 2010

Greetings, Volodia:

Thank you for your wonderful memoir! With your permission I would like to share it with our group that explores Russian sociology from the vantage point of biography and add it to the commentaries to be published next year [in Teleskop].

It occurred to me that I never had a chance to interview you the way I did a few other luminaries in our field. My preference is for a conversation, direct or by phone, which produces a transcript that you can edit and augment. But given the distance, maybe I can send you a few questions in Russian and if you find them worth tackling, you can answer these questions at your convenience.

We can take it from there. What interests me is not so much history of sociology as личность, затерявшаяся на просторах истории, человек, пытающийся сохранить лицо в нечеловеческих условиях. На вашу долю выпало предостаточно пограничных ситуаций, приходилось иметь дело с Парыгинами сего мира, и как-то вам удавалось сохранить порядочность.

Here is the link to my theses on biocritique which lay groundwork for a program of research on the interfaces of history, theory, and biography: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin_bh_theses.html.

With eternal gratitude for everything you have done for our field and me personally,

Ваш, Dima

3 июля 2010

Дима, пишу кириллицей, т.к. вижу, что твой аппарат ее принимает. У тебя очень интерес-

ный курс, и я, конечно, согласен предоставить свои записки. С удовольствием попробую написать что-то в ответ на твои вопросы, самому интересно вернуться к некоторым “пограничным” состояниям прошлой жизни. Время сейчас как раз есть.

Привет
Володя

<...>

6 июля 2010 г.

Привет из Лас Вегаса, Володя!

Рад слышать, что вы готовы продолжать разговор. У меня сложилось несколько вопросов по теме нашей переписки, и я пересылаю их вам. В будущем надеюсь с вашей помощью дополнить предварительный список проблемных ситуаций, о которых пойдет речь.

Несколько слов о формате нашего интернетного разговора. Вы можете пропускать вопросы, которые вам покажутся некорректными, уточнять и дополнять ранее сказанное, касаться смежных тем и сюжетов и задавать вопросы мне. Если какие-то факты или мнения должны остаться конфиденциальными, то обозначьте их соответствующим образом.

Итак, начнем.

<...>

29 августа 2010

Дима, я только что вернулся со своего эстонского хутора, чтобы проводить правнука твоего тезку в первый класс. Занятия на ф-те начнутся позже, в институте пусто. С удовольствием приступил к нашему разговору и сочинил ответы на заданные вопросы. Жду встречи.

От себя предложил бы вопрос, на который у меня есть ответ: как сочетается интерес к методологии и методике с интересом к теории. Это любопытная история.

Где отдыхал, если отдыхал?

Привет.
Володя.

ДШ 1. Читая «Метафизику морали» Канта, я как-то натолкнулся на неожиданный пассаж о соотношении долга и эмоций, который переворачивает привычное представление о кантовской этике. Оказывается, недостаточно повиноваться голосу разума и следовать категорическому императиву; этическое действие

должно базироваться на доброй воле, подпитываться сердечными эмоциями. “То, что мы делаем безрадостно, по принуждению, просто из соображения долга, лишено для нас внутренней ценности, — пишет Кант. — Практика добродетели (*exercitiorum virtutis*) требует диспозиции мужественной и добродушной при исполнении долга”. Без мужества добродушие может обернуться мягкотелостью, но долг без доброжелательности ведет к издержкам другого рода. Если развивать эту аргументацию — и я не уверен, что эксперты тут со мной согласятся, то можно заключить, что без доброй воли невозможно эмоционально интеллигентное общество. Мне кажется, Володя, что добродушие или, скорее, доброжелательность, есть одно из ваших наиболее характерных и привлекательных черт. Но оно могло вас и подвести, когда нужно было занять твердую позицию по отношению к порочной системе и людям с недоброй волей. Вопрос — как бы вы охарактеризовали свои диспозиции? Что дало вам возможность сплотить вокруг себя ленинградскую лабораторию, помогло выжить в годы сиговщины, сделало вас моральным лидером в перестройку? И где ваши достоинства могли переходить в недостатки?

ВЯ 1. Задолго до Канта, Дима, Конфуций поучал: благородный человек не будет давать преимущество разуму перед велением сердца (цитирую по памяти). Добавлю, что Дм. Лихачев считал неслучайной особенностью интеллигента такую его черту, как «умственная порядочность». Думаю, что порядочность и мягкотелость не одно и то же. Они сопряжены, могут быть представлены частично совпадающими окружностями: порядочность как таковая — порядочность и мягкотелость — мягкотелость вне порядочности. В истории с Парыгиным¹ я пересек границу в сторону мягкотелости. Пытался вспомнить, как на исповеди, другие подобные грехи, не вспомнил. Память наша не любит удерживать дурное, отторгает.

Что до моих жизненных диспозиций, то, думаю, они во многом предопределены темпераментом и типом нервной системы: я холерик, т.е. вспыльчивый, и экстраверт. Экстраверта отличает обращенность вовне, подпитка со стороны окружающих, болтливость, неспо-

¹ Борис Дмитриевич Парыгин (1930-2012) - социальный психолог, руководитель сектора социально-психологических проблем трудовых коллективов Института социально-экономических проблем РАН (1976-1992), где отличился ортодоксально марксистскими взглядами и травлей В. Ядова и его сотрудников.

способность держать при себе доверительную информацию. Вместе с тем, эти персональные свойства способствуют дружескому общению, а в научном коллективе — созданию команды исследователей, в которой нет чиновничества, но ценится вклад в решение общей задачи. Так что объяснение своей лидерской роли без ложной скромности отношу к природным свойствам характера и, разумеется, к обретенным знаниям, которыми не терпится поделиться с другими. Этим я объясняю тягу к преподаванию, редактированию издания коллективных работ, каковые воспринимаю как собственный продукт, ничуть не умаляя вклада других авторов. Типом нервной системы я объясняю также свою склонность к обобщению, концептуализации частных случаев. Отсюда, возможно, и популярность моего учебника. В разговоре с Борей Докторовым мы эту тему затрагивали, обсуждая типы генералистов и партикуляристов в науке (http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Yadov_V.pdf).

Короче, получается так, что все мы наделены способностями от природы (говорят — «от Бога»), одним выпадает счастье избрать профессию, занятие по призванию, оказаться в нужном месте и в нужное время. Другим, что называется, не везет. Мне сильно повезло. И в первую очередь в том, что называют личной жизнью: Люка, моя жена, с которой мы шли вместе со школьных лет, наши дети и правнук, с которым Люке болтать не пришлось, а мне выпало счастье в этом году проводить его в первый класс.

ДШ 2. В присланном вами отрывке о Парыгине (http://cdclv.unlv.edu//archives/Interviews/yadov_parygin_10.pdf) вы пишете: “Дрянной человек Парыгин, и отношения с ним останутся для меня предметом стыда за мягкотелость, неспособность резко порвать с нехорошим человеком”. Но в прошлом году в честь восьмидесятилетия Геннадия Осипова вы произнесли следующий тост: “Геннадий Осипов был и остается для меня другом, хотя мы основательно расходимся в представлениях о современной, российской в особенности, социологии и по-разному оцениваем многие социальные проблемы... Сегодня некоторые вспоминают слова моего коллеги психолога Евгения Кузьмина, который сказал, что советская социология начинается с буквы «Я». Это, заверяю всех, необъективно, неправильно и несправедливо. Советская социология начинается с ОЯ. Я залез

в Википедию и узнал, что Оя — река в Красноярском крае, в российской глубинке. Бывают же чудесные ассоциации. Оба мы, Геннадий, из какой-то неведомой сибирской речки пробивали ей русло аж до столицы СССР, рыли канал не под ружьем топтуна, но совершенно добровольно” (http://cdclv.unlv.edu//archives/Interviews/yadov_osipov_tost_10.pdf). Учитывая ультранационалистический крен социологии Осипова [и его критику Левады в годы его опалы], не является ли последний эпизод проявлением добродушной всеядности Володи Ядова?

ВЯ 2. Многие коллеги справедливо говорят о моей склонности к компромиссам. Это так. Что касается высказывания в связи с юбилеем Геннадия Осипова, то я не считаю его компромиссным, но полагаю справедливым. Без хитроумности, присущей Осипову, процесс институционализации социологии, скорее всего, затянулся бы на несколько лет. Он обвел вокруг пальца чиновников из ЦК и убедил их в пользе нашей науки для «коммунистического строительства». Эпизод разговора в ЦК описал в своем интервью Игорь Кон, заметив, что аргументация Геннадия никоим образом не пришла бы ему в голову. В отношениях с Геннадием я следую правилу «Платон мне друг, но истина...».

ДШ 3. В интервью 1990 года, которое я взял у Галины Саганенко¹ и Валерия Голофа-ста², Галя замечает: “Плюс меня возмущали окружающие меня мужчины, да извинит меня Валерий. Они провалили эту ситуацию полностью — Ядов, Фирсов, Голофаст. Меня это возмущало... они не боролись, все хотели выстоять в одиночку. Особенно это было показательным на [примере] Фирсова. Каждый считал, что у него есть собственные козыри. Особенно это было видно, когда съедали Ядова в нашем институте. А Фирсов — он считал, что у него есть козыри в обкоме, он там для них делал исследование”. Свою собственную позицию Галя описывает так: “Вот анекдот Ядова, который он любит рассказывать, если вы знаете. Наняли мужика убить быка, заколоть там, семья попросила, заплатила. Вот он ушел в этот сарай, и

¹ Галина Иосифовна Саганенко (1940) — российский социолог, эксперт по проблемам методологии, сотрудник В. Ядова в Институте конкретных социальных исследований, ведущий научный сотрудник Социологического института Российской Академии Наук (СИ РАН).

² Валерий Борисович Голофаст (1941–2004) — российский социолог и философ, специалист по социологии семьи и социологической теории, сотрудник Института конкретных социальных исследований РАН.

стоит там шум, гам. Потом выходит. Его спрашивают: “Ну, все нормально?”. А он: “Убить я его не убил, но напощадал!”. Так вот, этот “напощадал” вариант меня не устраивал. Или иди, или не иди. У меня всегда были, ну, не то, что крайности, но раз уж берешься, то идешь до конца. Чтоб идти до конца, мне не хватало решимости... Просто “напощаждать” — этот вариант меня не устраивал, где-то пошуметь, где-то повякать. Когда я пошла против нашего директора, я сидела полтора месяца, писала большую телегу, где я все подсчитала и поставила в строку этому директору. Потому что так вот вякнуть я как социолог считала недостаточным”¹. Как бы вы ответили Гале на ее критику? В чем вы видели свою главную задачу в постхрущевскую эпоху и где были границы разумного компромисса в условиях несвободы позднесоветского общества?

ВЯ 3. Главную задачу я видел в том, чтобы содействовать перестройке социологии². «Напощаждать» — тактика советского времени, которую использовали и самые отчаянные диссиденты, не рассчитывая на разрушение системы. Галя Саганенко — боец по своему характеру, к тому же занималась альпинизмом — экстремальным видом спорта. Написав телегу против директора Социологического института РАН, она лишь напощадала ему, практических следствий, как водится при нынешней вертикали властей, не было: Президиум РАН к критике не прислушался.

ДШ 4. В вышеупомянутом интервью Валерий Голофаст так описывает свой отход от коммунистических идеалов: “Что касается меня, то я обозначился давно, я бы сказал, во времена смерти Сталина. Я был достаточно молодым человеком... Полная утрата иллюзий [произошла] где-то в середине правления Хрущева, потому что стало ясно, что все предложения фальшивые, абсолютно [все]. И никакой надежды, что они когда-то будут реализованы. Для меня это было ясно уже тогда, задолго до моего по-

¹ См. Галина Саганенко, Валерий Голофаст. “Беседа о русской интеллигенции” (URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/saganenko_golofast.html).

² См. Ядов В.А. Главные направления перестройки научно-исследовательской работы и организационной структуры Института социологии АН СССР. Тезисы доклада для обсуждения на совместном заседании ученого совета ИСАН СССР и Президиума ССА 31.10.88 г./ Ротопринтное издание ИС АН СССР, 1988; Ядов В.А. Социология перестройки и перестройка социологии / Известия. Московский вечерний выпуск. 23.05.89; В. Ядов (ред., составитель, вводная статья). Социология перестройки, М., Наука, 1990.

ступления в университет. [У советского человека] не было морального выбора, у него не было моральной автономии... Люди, которые так или иначе принимают правила игры социальной системы, вынуждены конформировать достаточно глубоко, вплоть до своего глубинного двойного, тройного сознания... Я научился спокойно переносить эту двойственность и особой проблемы не испытывал”. Вы верили в коммунизм, были сознательным членом партии, но в какой-то момент у вас должны были появиться сомнения по поводу партократии и ее функционеров. Как проходил этот процесс, в какой момент возникли сомнения, как вы обосновывали для себя неизбежность двоемыслия и каким образом вы пытались сократить разрыв между личными убеждениями и социалистической практикой?

ВЯ 4. Двоемыслие, начиная с ввода советских войск в Венгрию, но особенно после Пражской весны, было присуще многим, в кругу моих товарищей — всем. Задолго до того, а именно когда в 1953 году герой югославского сопротивления Тито был объявлен злейшим врагом (Кукрыниксы изобразили его с окровавленным топором палача), у многих из нас, первокурсников, это вызвало по минимуму недоумение. На нашем курсе учились пять или шесть югославов, высоких красавцев мужественной внешности и в военной форме. Девчонки лепились к ним как мухи. И вдруг — враги??³ Здесь явно было что-то не так. Кстати, Иосиф Броз Тито ввел самоуправление рабочих на предприятиях. Об этом я читал лекции по линии «Общества знания», куда меня втянул Рой Медведев, взгляды которого известны. А с Роем мы сразу же подружились. Я действительно оставался идейным членом партии, но считал, что программа «Еврокоммунистов» во главе с Тольятти — образчик социально справедливого строя. И сегодня я убежден, что нам недостает социал-демократического движения (кажется, уже говорил об этом), нормальные социал-демократы должны быть образцом и для нас. Так вот, получается, что имели место и двоемыслие, и умеренная независимость в публичном, как теперь мы говорим, дискурсе.

³ Многих из учившихся в советских вузах Тито, соратник Сталина по Коминтерну, отправил в лагеря на острове Корфу. Будущий муж Зинаиды Голенковой (она была моим зам. директора в ИС) начал учебу на философском факультете МГУ и, отозванный домой, немедленно загремел в концлагерь. Ему удалось бежать, вплавь добраться до материка и тайными путями приехать в Москву. После моего переезда в Москву мы с ним стали друзьями.

ДШ 5. В моем интервью с Эдиком Беляевым 2008 года¹ Эдик высказывает следующее суждение об Андрее Здравомысловом: “Я тебе скажу, что Здравомыслов темная и неприятная личность. У меня полное убеждение, на 99%, что он работал на КГБ. Очень амбициозный человек, очень скрытный человек, сделает все для своей карьеры... Я также могу сказать, что у Здравомыслова было соперничество с Ядовым. Причем это было скрытое соперничество, он никогда этого, по крайней мере нам, сотрудникам, не показывал. Но это было совсем очевидно”. Редакторы сайта “Международная биографическая инициатива” сочли необходимым дать сноску на интервью Здравомыслова², где он рассказывает о своих отношениях с КГБ и приводит примеры из своей практики, подтверждающие его независимость. Вопрос — правомерно ли высказывать такого рода догадки о наших коллегах, даже если есть на то веские основания? Не лучше ли отложить обсуждение конкретных личностей лет на 30-40 с тем, чтобы не потревожить покой живущих и недавно ушедших из жизни? Если вы считаете вопрос корректным, как у вас складывались отношения с компетентными органами? И были у вас действительные сложности во взаимоотношениях с Андреем Здравомысловым?

ВЯ 5. В предисловии к посмертному изданию расширенного варианта монографии Здравомыслова, которую подготовил к печати Коля Лапин, я пишу: “... смею предположить, что Андрей на протяжении всей жизни переживал некий идентификационный кризис. Первопричина — тяжелое увечье под развалинами разбомбленного в блокаду дома. Где-то рядом умирал отец. Андрея вытащили из-под обломков, но далее он был вынужден прерывать учебу на философском факультете, отправляться в госпиталь. Ребята его курса жили развеселой и по-комсомольски бурной жизнью. По жесткому отбору по части отсутствия хвостов и по части здоровья отправлялись на студенческие стройки. Он этой возможности был лишен. И так дальше. В статье по случаю

¹ Эдуард Викторович Беляев (1937) — эксперт по проблемам методологии социологических исследований, сотрудник социологической лаборатории ЛГУ и Института конкретных социальных исследований (РАН), эмигрировал во Францию в 1976 г. и годом позже в США. С 1978 г. преподавал в Колумбийском университете. Ср.: “Во время Чехословацких событий мы были в Кьярику и там между заседаниями ходили по дороге и обсуждали эти события” (URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/interviews/saganenko_golofast.html).

² См. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866897380723file.pdf.

моего 80-летия Андрей пишет, что Ядову в его «карьере» помогла дружба со студентами фронтовиками, которые лидировали на факультете. На протяжении всех лет по окончании университета мы явно и неявно соревновались, как сегодня говорится, по рейтингу. Дорогой мой друг, все это — чушь собачья и твои конструкции”. К этому ничего не могу добавить.

29 августа 2010

Здравствуй, Володя.

Спасибо за интересные, содержательные ответы. Не совсем понял вашей позиции относительно возможной связи Здравомыслова с КГБ, ну да бог с ним.

Я собрал воедино нашу переписку последних двух месяцев, включая мои вопросы и ваши ответы, расположил все в хронологическом порядке. Посмотрите, кое-что, возможно, нуждается в уточнении (не смог разобрать пару ваших слов). Со временем можно будет найти и другой формат презентации нашей беседы, а пока пусть будет так.

Отвечаю на два ваших вопроса, начиная с последнего.

ДШ 8. С моим летним отдыхом дело обстоит следующим образом. Моя мама недавно сломала шейку бедра, ей сделали операцию, и сейчас она понемногу выздоравливает, но ходить почти не может (ей 91 год и живет она с 1991-го года со мной). Поэтому мой отдых этим летом был завязан на Лас-Вегас, хотя и удалось выбраться в Атланту на ежегодный съезд социологов. Раз в неделю я стараюсь выбираться в горы, благо они менее чем в часе езды от дома, там и отдыхаю. Свобода моих передвижений сузилась после того, как мои университетские коллеги избрали меня зав кафедрой. Мы с сыном обычно ездим на машине отдохнуть в Калифорнию, Аризону или Юту, но в этом году, похоже, не получится. Если найдем, с кем оставить маму, то в январе мы с женой съездим на пару дней в Palm Springs, Калифорния, где есть несколько антикварных магазинов со скандинавской мебелью середины XX века, предмет коллекционных интересов Джанет.

ДШ 7. Теперь о связи методологии и теории. Вопросы методологии меня всегда интересовали, хотя как человек, пять лет проучившийся на философском факультете ЛГУ, я склонен смешивать методологию с эпистемологией. Меня всегда интересовали теоретические вопросы,

особенно связанные с прагматизмом и интеракционистской социологией, но вот несколько лет назад я занялся социологией эмоций, придумал анкету под названием MoodCounts, и поставил ее в интернет. К сегодняшнему дню около 2500 человек ее уже заполнили. Я сделал доклад по предварительным результатам¹. Знания статистики мне не хватило, дальше простых корреляций дело не пошло, и хотя какие-то выводы мне показались интригующими, дело на этом застопорилось.

Более перспективными мне видятся исследования по биокритической герменевтике, изучающей взаимодействие биографии, теории и истории. Вам известна моя работа о Юрии Леваде (http://cdclv.unlv.edu//archives/articles/shalin_levada_bio.pdf), сделанная в этом ключе, а недавно я представил доклад на съезде Американской социологической ассоциации, где пытался доказать, что весь теоретический корпус Ирвинга Гофмана автобиографичен². И в этой связи у меня возникло множество вопросов методологического и этического характера, которые мне хотелось бы с вами обсудить. Я попробую к ним подступиться не напрямую, а через смежную проблематику, высветившуюся в работе Андрея Алексева «Драматическая социология» и в его книге «Профессия – социолог», написанной в соавторстве Р. И. Ленчовским. Попробую сформулировать суть проблемы в нижеследующем вопросе, и если вы сможете пролить свет на существо дела, я вам буду признателен.

ДШ 8. «Драматическая социология» (ДС)³ произвела на меня большое впечатление. Со временем по этому эпическому труду будут изучать производственную жизнь и академические нравы постсталинской эпохи. В то же время у меня возникли вопросы к методологии и этике исследования Андрея. Эксперимент социолога-

наладчика не мог бы получить визу от Комитета по правам субъектов исследований (Committee for the Protection of Human Subjects, http://cdclv.unlv.edu//archives/Supplements/unlv_irb_memo.html), чье одобрение обязательно для всех ученых и студентов американских университетов. Во-первых, автор не получил согласия (informed consent) участников эксперимента. Во-вторых, он не обеспечил анонимность субъектов исследования. В-третьих, его процедуры подвергли участников крайнему стрессу. В-четвертых, у субъектов не было возможности выйти из эксперимента по своему усмотрению. И в-пятых, автор не предоставил возможности респондентам ответить на его критику и сформулировать альтернативную точку зрения на описываемые события. Я понимаю, что критерии и стандарты исследования могут варьироваться от страны к стране, что они меняются со временем, что какие-то из реальных персонажей ДС крайне не симпатичны. Тем не менее исследование Андрея повергло меня в смущение. Нам жалко морских свинок, на которых оперируют без наркоза, а тут живые люди, коих исследовательская настойчивость социолога иногда доводила до истерики. Андрей не выказал сострадания к заводскому технологу Людмиле Кутыриной, которую его действия доводили до слез, а мне ее жалко. Какого будет ее детям читать ДС, где она выступает моделью “разгильдяйства” и “некомпетентности”? Ведь, наверное, у нее были и другие человеческие качества, которые автор или не усмотрел, или не пожелал упомянуть. Я думаю, что было бы гуманнее вывести эту женщину в книге под псевдонимом. Можно назвать исследование Андрея “акционистским” в духе Турена или public в смысле Буравого, но это вряд ли снимает проблему, поскольку оба эти автора имеют дело с хорошо информированными субъектами, добровольно согласившимися принять участие в эксперименте и имеющими право выйти из него в любое время.

Как вы видите, Володя, у меня вызвала сомнения этика данного исследования, но есть вопросы и к методологии «протоколирования», задействованной в эксперименте. Метод сей нацелен на факты, но мы знаем из разных исследований, насколько избирательно наше заинтересованное восприятие и как часто альтернативные свидетельства высвечивают ситуацию с иной точки зрения. Это особенно очевидно, когда Андрей критикует своих коллег – Голода, Елисееву, Дуку, переходя на личности, ставя под сомнение порядочность сво-

¹ См. “Agency Scan and E-motion Template Matrix Analysis: Theory, Methodology, Preliminary Results” (URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/etm_findings.html).

² Мою программную работу на эту тему можно найти в интернете. См. *Shalin D. Goffman's Self-Ethnographies: Interfacing Biography, Theory, and History* (URL: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/ega/articles/ds_eg_selfethno.html). В 2014 году я подготовил специальный номер журнала “Символический интеракционизм”, посвященный Ирвингу Гофману. См. *Erving Goffman: Biographical, Historical, and Contemporary Perspectives*. *Symbolic Interaction*, 2014, Vol. 37. No. 1. См. также *Shalin, D.* 2007. “Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics.” *Sociological Theory* 25:193-224, <http://cfd153.cfdynamics.com/images/journals/docs/pdf/st/Sept07STFeature.pdf>

³ *Алексеев А. Н.* Драматическая социология и социологическая ауто-рефлексия. Т. 1-4. Санкт Петербург. Норма.: 2003–2005.

их сотрудников. Я не уверен, что такого рода *argumentum ad hominem* оправдан, тем более что автор его осуждает, когда он используется оппонентами.

Тут есть еще что сказать, но уже поздно, а завтра мне нужно быть на защите диссертации. Остановлюсь, но надеюсь на продолжение разговора.

30 августа 2010

Спасибо, Дима, за быстрый ответ.

ВЯ 9. Поздравляю с деканством, хотя это везде хлопотно. Судя по письмам Шляпа «К любимым женщинам», но особенно и по серии «Академический роман» Лоджа (читал с огромным интересом), в английской академической среде царит не лучшая атмосфера: подсиживание, нечестная конкуренция по части карьеры и т.п. Любопытно, что у вас и в вашем университете в частности.

Сочувствую в связи с состоянием мамы. Перелом шейки бедра в ее возрасте — очень скверно. Такое случилось у Люки. Я, не будучи слишком заботливым о своем здоровье, очень осторожно хожу, опасаясь подобной травмы. Ноги ни к черту плюс головокружение. Спасибо моей помощнице — водителю машины, секретарю и ангелу хранителю. Наташа поддерживает меня при ходьбе и провожает до стула во всех академических посиделках. Все, с кем я связан, относятся к ней очень по-доброму, а мои близкие друзья, приглашая меня в гости, непременно приглашают вместе с Наташей. С моим другом детства (генералом авиации в отставке) и его женой Наташа приятельствует и часто, если отвозит меня куда-то поблизости от их дома в центре города, отправляется к друзьям попить чайку и посплетничать.

Пишу ответ на новый вопрос. Вставил пару уточнений в текст нашей беседы (смотри ниже).

Всего доброго.

Володя.

30 августа 2010

Добрый день, Володя.

Среди ночи не удержался и заглянул в ручной компьютер (Blackberry) и с радостью обнаружил вашу весточку, а вот скрепки не вижу. Проверьте, пожалуйста, и дошлите attachment.

Ваш, Дима

<...>

30 августа 2010

Дима, возникли неотложные дела, так что след. фрагмент пошлю позднее.

Володя

18 сентября 2010

Аврал закончен, книгу передали в изд. “Логос”. Приложил аннотацию. Но пишу гл. обр. потому, что в суматохе потерял свои наброски ответа на последний вопрос. Пожалуйста, повтори сам вопрос (о компромиссах, так?).

Привет.

В.

18 сентября 2010

Приветствую, Володя.

Поздравляю с окончанием книги. Пересылаю нашу переписку, как она сложилась к сегодняшнему дню. Последний вопрос о методологии.

Ваш, Дима

<...>

2 Октября, 2010

ВЯ 8. Изначально мы всей лабораторией штудировали учебник Гуда и Хатта по методам социологического исследования. Накопив опыт в проекте «Человек и его работа», я начал читать соответствующий спецкурс. При подготовке курса обратился к философской литературе плюс кое-что из логики, чтобы уяснить, что есть факт, эмпирический в особенности. Очень помог В. Швырев, у которого я вычитал определение Марио Бунге: факты как независимые от наблюдателя события не попадают в арсенал научного знания, они должны быть зафиксированы в определенных понятиях. Понятия, рассуждал я, извлекаются из тезауруса некоторой частной теории. Из Р. Мертона я извлек, что middle range теории автономны в отношении grand теорий. И здесь возникла проблема — так ли? Если исторический материализм есть единственно научная теория, то какова научная обоснованность эмпирических исследований авторов иной теоретической ориентации? Мертон решает проблему: теория — да, нужна, но теория частная, каковая автономна в отношении к макро-теориям. Мы обсуждали проблему с Владиславом Келле¹. В этих разговорах под водочку у него в Москве и у нас в Питере пришла идея легализовать марксистскую эмпирическую социологию. Логика такова: эмпирическое исследование

¹ В августовскую жару этого года Владислав Жанович Келле, прошедший всю Отечественную, скончался в возрасте 90 лет.

дование опирается на теорию среднего уровня, которая, в свою очередь, детерминирована социально-философской теорией, в советской социологии — опирается на истмат. Не буду утверждать, что идея эта принадлежит именно нам с Келле. И Келле, и я тесно общались с Галиной Андреевой, а Владислав соавторствовал с М. Ковальзоном. Келле и Ковальзон публиковались в органе ЦК журнале «Коммунист», и там вышла их статья, радикально облегчившая жизнь социологов.

На международном конгрессе в Эвиане в 1966 г. (его тема была формулирована очень претенциозно: «Сущность и проблемы социологической теории»), куда впервые нас выпустили¹, мы с Галиной Андреевой вступили в спор с Мертоном, возражали против его идеи нейтральности теорий среднего уровня. Мы утверждали, что эти теории связаны с некоей социально-философской ориентацией, с макро-теорией. Разве, например, ролевая теория личности не является структурно-функционалистской? Роберт Мертон что-то возражал, но позже к нашему с Галиной удивлению, в очередном издании своей работы... повторил аргументы в пользу автономии теорий среднего ранга, но в подстрочнике привел наши с Андреевой возражения. (Здесь позже дам ссылку).

Отдельно хочу рассказать историю публикации книги «Человек и его работа». Пока я находился в Англии, Андрей Здравомыслов вместе с нашей командой подготовили текст к изданию. Я в то время натолкнулся на книгу не помню какого американского социопсихолога, и меня поразила его логика изложения результатов исследования, общепринятая “там”, не у нас: теоретические предпосылки исследования — описание выборки, методы получения данных и их интерпретация. Какие, позвольте спросить, теоретические предпосылки, автор сомневается в единственно научных? Не зная, как выглядит рукопись нашей книги, я спешно отправился на метро к телефону в Советском посольстве на Хайгет-стрит (можно было звонить на халяву) и убедил Андрея повременить с публикацией. По возвращении мы долго обсуждали ее формат, так что в итоге получилось что-то вроде учебного пособия по эмпирическому исследованию. Теоретическим предпосылкам была посвящена глава, в которой за историческим материализмом мы оставляли его царствующий трон, а дальше обсуждали “частные” концептуальные

¹ До этого конгресса советскую социологию представляли философы академики Константинов и Митин. Митин к тому времени был дряхлым стариком, и без сопровождения своей жены из дома не выходил.

подходы применительно к мотивации труда. Важный вклад в публикацию внесла Галя Саганенко. Она скрупулезно описала процедуры математической обработки данных. Как школяры, в приложениях мы не только представили полевые инструменты, но сопроводили их указаниями на устойчивость данных в процентах. Психологи непременно следуют этому правилу, а нынешние коллеги социологи, увы, нет.

Дима, анализировать ход своих рассуждений можно, но, согласись, что “на выходе” получается продукт далеко не всегда адекватный реальному. Я не уверен, что так было. Здесь надежно лишь то, что так сегодня мне это представляется.

<...>

5 Октября 2010

ВЯ 8. Здесь, Дима, в самый раз применима твоя концепция биокритической герменевтики. Вспомним, что Андрей по базовому образованию и опыту первых лет работы — журналист. Журналисту надлежит добыть нужную информацию во что бы то ни стало. И, видимо, Андрей настолько усвоил названную заповедь, что она стала чертой его характера. Этическая норма социолога — не нанести вреда респонденту — оказалась на периферии. Плюс особенности темперамента, плюс его завидное правдоискательство, плюс презрительное отношение к тогдашним властям, чиновничеству, двурушничеству и подобному. Достаточно одного примера, как раз связанного с заявлениями о выезде из страны Эдуарда Беляева и твоего. Андрей в то время был или нашим парторгом, или секретарем партбюро ИСЭП. Он начал со мной такой разговор: давай, мол, мы вынесем тебе строгий выговор за промахи в работе с коллективом отдела, а ты апеллируй, не соглашайся. Твой авторитет среди социологов вызовет возмущение товарищей, дело приобретет широкий резонанс. Я на это ответил, что жертвовать делом ради такого рода демонстрации не хочу и буду вполне согласен с выговором “без занесения в учетную карточку члена КПСС”. На том мы, в конце концов, и сошлись.

“Драматургическая социология” Андрея мне очень понравилась. Он сумел выявить и убедительно показать, что на советском предприятии действовали две системы правил — официально принятые и общепринятые, но не писанные. На каждого рабочего мастер имел компромат. Использовал же сведения о прогулах, браке и прочем подобном только в случае

личного конфликта с подчиненным. Откровенно признаюсь, при чтении книги я и не подумал о Профессиональном кодексе социолога. Разработку такого кодекса я сам же и стимулировал (его подготовили Б. Фирсов и ??), и он с небольшими поправками действует как документ РОС. В нашей практике общепринято информировать респондентов об анонимности, праве не отвечать на тот или другой вопрос, не соглашаться на интервью или наблюдение. Но (а это самое главное) мы не практикуем жесткого контроля за соблюдением профессиональной этики. Ничего подобного вашей Комиссии под названием Committee for the Protection of Human Subjects в России нет. И вообще принцип, согласно которому строгость законов облегчается необязательностью их соблюдения, — наше национальное кредо.

Так что, Дима, ты прав, и я благодарен за вопрос. Непременно постараюсь публично напомнить о проблеме, тем более, что вскоре РОС принимает новую редакцию Профессионального кодекса.

20 Октября 2010

Добрый день, Володя.

Простите за паузу в переписке. Навалились кафедральные дела. Несколько человек подали заявления на продвижение по службе, один на постоянный контракт (tenure) и два на полного профессора (full professor). Нужно было собирать свидетельства независимых экспертов из других университетов, писать рекомендации и проч., а потом пришлось срочно проверять корректуру моей книги «Прагматизм и демократия», которая должна появиться в печати в следующем месяце¹. Прежде чем вернуться к вопросу об этике и методологии, несколько слов об академическом мире США.

ДШ 9. Я бы поостерегся обобщать нравы академического мира в США. У Володи Шляпентоха свой опыт, у меня свой (кстати, «Письма к любимым женщинам» — ведь это книга Алексева, или у Володи тоже есть опус под таким названием?). На нашей кафедре атмосфера очень милая, и если не считать одного профессора, который редко появляется на заседаниях кафедры по личным соображениям, то коллегиальность явно доминирует над конкуренцией. Мне известны и другие департаменты, в нашем

и других университетах, где раздрой заставил университетскую администрацию сместить избранного зав. кафедрой и поставить на его место профессора из другого подразделения.

ДШ 8. Возвращаюсь к вопросу об этике и методологии. Как я ранее заметил, все академические исследования на людях и животных должны быть предварительно одобрены специальным отделом, Institutional Review Board (IRB), обязательным для всех университетов и государственных учреждений в этой стране. В последнее время работа этого отдела подвергалась критике из-за слишком придирчивого рассмотрения заявок на исследования, длительности процедуры одобрения, и обременительной сертификации (каждые два года исследователи должны пройти интернетовский курс и сдать экзамен по охране прав субъектов исследования). Тем не менее сама идея таких прав не вызывает сомнений.

Методы Андрея Алексева не могли быть одобрены здешними экспертами, поскольку его работа могла негативно отражаться на его подопытных. То, что могло бы сойти журналисту (хотя я не уверен, что и здесь способы получения информации не вызвали бы нареканий), проблематично для социолога.

Скорее всего, вы правы относительно биографического опыта Андрея. Его политические взгляды претерпели радикальное изменение, но принципиальность, непримиримость, а в чем-то и нетерпимость, характерные для его коммунистического прошлого, могут присутствовать и в его посткоммунистических баталиях. На одном из заседаний СПСА он требовал осудить руководство СИ за его решение ответить на инструкцию РАН по сокращению штатов урезанием часов работы сотрудников пенсионного возраста. В общем и целом он был прав, но для меня не очевидно, что такое решение было совсем лишено оснований. Если члены ассоциации не поддержали Андрея, то это не означает, что они проявили малодушие. Елисеева и профработники СИ увидели в сложившейся ситуации возможность свести счеты с Андреем и другими неудобными сотрудниками, и то, как принималось это решение, оставляет дурной привкус. И все же из моего ласвегского далека ситуация видится не однозначной. Тут есть пространство для честного расхождения во мнениях, и я бы поостерегся пришивать ярлыки.

Игровой метод Андрея несет в себе риск, и не только для него самого. «В жизни играть можно только подобными и равными самому

¹ *Shalin D. N. Pragmatism and Democracy: Studies in History, Social Theory, and Progressive Politics* //New Brunswick: Transaction Publishers, 2010. (URL: <http://www.transactionpub.com/title/Pragmatism-and-Democracy-978-1-4128-1126-2.html>).

себе”, пишет Андрей (ДС.2.368). Согласен, но это не единственное ограничение. Если человек твоего статуса не хочет принимать участия в социологических играх, то и его следует оставить в покое в случае, если его реакция — положительная или отрицательная — может поставить человека под удар вышестоящих/компетентных органов или вызвать чувство стыда из-за проявления малодушия. Ваш пример со “строгим выговором”, предложенный Андреем, тому пример. Как человек тонкого морального склада, Андрей, конечно, это хорошо понимал. Вот как он обосновывает свое экспериментаторство: “Эксперимент над “другими” людьми социологу запрещен по моральным соображениям; так что непосредственным объектом экспериментального воздействия здесь выступали не люди как таковые, а носители социальных ролей и представители социальных институтов, в частности институтов власти” (ДС.2.447). Это рассуждение спорно — субъекты, с которыми имел дело Андрей, были не просто носителями социальных функций, а живыми людьми способными чувствовать уколы совести и обеспокоенными негативными последствиями своих действий, навязанных социологом-экспериментатором. Столь резкое разделение ролей/институтов и носителей/субъектов вызывает сомнение с точки зрения социального интеракционизма.

В четвертом томе “Драматической социологии” Андрей приводит ваши слова: “Есть в некоторых текстах А. одна особенность, мне не импонирующая: своего рода амбициозная тональность. Но бог с ней, тональностью. А. — фигура действительно совершенно из ряда вон выходящая, и не только по причинам, о которых уже говорилось. Это — человек глубоко нравственный, способный ради утверждения моральных принципов быть жестким. Мы долго работали в одном коллективе, и часто опирались на эту его способность бескомпромиссного следования интересам дела. Такая, можно сказать, сахаровская черта. Многим из нас именно этого недостает”. (ДС.4.15) Я разделяю вашу оценку Андрея, у которого есть чему поучиться и чья способность додумывать до конца мне симпатична. Тем не менее, оглядываясь назад, я думаю, что его экспериментальный метод вызывает этические возражения. Социолог-рабочий, социолог-наладчик, социолог-экспериментатор — Андрей также выступал в роли социолога-акушера (“перемен не надо ждать, перемены надо делать”), и здесь возможны серьезные издержки, связанные с преждев-

ременными родами, вызванными поспешными действиями социолога-новатора.

Если есть, что добавить к сему, Володя, буду признателен.

Ваш, Дима

21 Октября 2010

Спасибо, Дима, за столь информативное письмо.

Я тоже занят работой с редактором нашей книги. Поэтому стараюсь откладывать все не слишком срочное. Непременно напишу подробно.

Всего доброго.
Володя.

<...>

3 ноября 2010

Я подумал, Дима, и решил не продолжать об Андрее — все же не вполне деликатно.

Достаточно сказанного.

Привет.
Володя

3 ноября 2010

Здравствуйте, Володя!

Хорошо, оставим эту тему. Андрей сейчас занят работой над книгой, но когда он освободится, я попробую обсудить с ним проблему этики социального эксперимента. Если есть время и желание продолжить разговор, то давайте коснемся современной российской политики¹.

ДШ 10. Вчера ходил на выборы, голосовал за кандидатов в местные и федеральные органы власти. Ни к республиканской, ни к демократи-

¹ Алексеев и Шалин впоследствии обсуждали вопросы методологии и этики экспериментального исследования на страницах журнала «Телескоп». См. Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 3 (87), с. 3-23, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_id_11.pdf; Алексеев А. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 5, с. 21-29, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1356939153366948file.pdf; Шалин Д. Проблемы этики натурного эксперимента: ответ Андрею Алексееву // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 2, с. 14-16, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/ds_reply_AA_12.pdf; Алексеев А. Защита наблюдающего участника // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 2, с. 16-17, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/ds_reply_AA_12.pdf. См. также: Шалин Д. Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 3, с. 8-17, http://cdclv.unlv.edu/ega/articles/ds_ethics_12.pdf.

ческой партии я не принадлежу, зарегистрирован как независимый избиратель (кстати, число последних в Америке уже превысило число избирателей республиканцев или демократов). Тем не менее я практически никогда не голосую за кандидатов от республиканцев. Вот и в этот раз я голосовал за демократов, коим основательно досталось на последних выборах из-за высокой безработицы в стране. Логики здесь мало, поскольку именно политика Джорджа Буша младшего привела к экономическому спаду и к рекордному разрыву в доходах между средним классом и сверхбогатыми (почти 25% годового дохода в США сейчас приходится на долю 1% самых богатых американцев, чьи доходы существенно возросли в последнее десятилетие, тогда как доходы среднего класса стагнировали или снижались). Политические предпочтения и предрассудки — дело темное, особенно когда президент страны афроамериканец, но таковы grimасы демократии. Важен сам факт свободного волеизъявления, а он сомнению не подлежит. Чего не скажешь о российской демократии.

Мне трудно судить о том, что сегодня происходит в России, тем более, что тенденции весьма пестрые. Кажется, есть достаточно свободные СМИ вроде *Эхо Москвы* и *Независимой газеты*, разрешены какие-то партии, и на митинги уже (почти) разрешили собираться, и все же меня не оставляет ощущение неблагополучия. Эксцессы российской демократии удручают — убийства журналистов, марши нацистов, карательная система правосудия... России противопоставлен обыкновенный нацизм, но боюсь, его позиции в России будут укрепляться, и как бороться с нациствующими молодчиками, когда власти им потакают?

В интервью 2005-го года вы писали:

“Сейчас я думаю, что, если мы, социологи, будем лишь писать книги, мы не исполним своего гражданского долга. Надо по возможности влиять на движение социальных планет... Два года тому назад я писал: “Если России предстоит обрести свое достойное место в мировом сообществе, оставаясь собою, то историко-культурные традиции, включая семидесятилетие советской власти, не дают нам иной идеологической альтернативы, помимо концепции (идеи) справедливого общества”. Борьба с коррупцией, независимые суды, справедливые ставки налогов по прогрессивной системе и многое другое — это и есть то, чего люди требуют. Президент в послании народу 2005 года говорил о политике социальной справедливости. В. Путин произнес фразы, желательные

гражданам, намерен ли он следовать этому курсу, остается под вопросом”¹.

Насколько ваши ожидания оправдались, Володя? Куда идет страна? Каким вам видится сегодня Владимир Путин — как президент, как личность, как человек?

4 ноября 2010

ВЯ 10. Да, Дима, тенденции у нас пестрые, но вполне могут быть представлены тремя векторами: мощный поток великодержавного национализма, жиденькая струя либерализма и нарастающее течение неофашизма. Первый и третий вполне могут слиться воедино. Очевидно, что именно Путин создал и продолжает цементировать структуры “национальной демократии”. Это по существу декларативная демократия наподобие той, что была прописана в “самой демократической” сталинской Конституции.

Путин великолепно ориентируется в глобальном пространстве и отлично понимает настроения “народных масс”, которые, наконец, обрели достаточно стабильное благополучие, не хотят никаких перемен и надеются на улучшение материальных условий своей жизни. Не скажу ничего, что не было бы известно тебе.

Самое яркое и убедительное свидетельство умонастроений — телепрограмма “Суд времени”. Николай Сванидзе на «Пятом канале» ежедневно исполняет роль арбитра в имитации судебного процесса над политическими деятелями и поворотными событиями в истории России и не только России. Интеллигентный историк Леонид Млечин с неизменной улыбкой на лице ежедневно отстаивает либерально-демократические ценности, а писатель Сергей Кургинян в брутальной манере защищает “историческую правду” особого русского пути. Выступают свидетели обеих сторон, на экране демонстрируются подлинные документы и высказывания из мемуаров признанных авторитетов, обвинитель и защитник читают стихи Гумилева, Бродского и т.д. В студии три десятка “присяжных”. Им надлежит вынести вердикт в оправдание или осуждение Горбачева, Петра I, Ивана Грозного, ГКЧП, Саддама Хусейна (?), пакта Молотова-Риббентропа и т.д. Телезрители также голосуют “за” — “против”. И что? Лишь в одном случае сторона Млечина голосованием телеаудитории выиграла процесс. В среднем от 80% до 90% аудитории

¹ Ядов В. А. ...Надо по возможности влиять на движение социальных планет... // *Телескоп*, 2005. №3. С. 2-11; 2005, №4. С. 2-10, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/yadov_2005.html.

позицию либерал-демократа осуждают! “Присяжные”, бывает, его поддерживают с перевесом в 3-8%.

Если это шоу не есть заказная инсценировка, и если статистики голосования телеаудитории не фальсифицированы, то можно сказать что мы являемся свидетелями некоего консилиума психиатров. Диагноз плачевный: мания величия, отягощенная манией враждебного окружения с упованием на “лидера нации” и Господа. Даже если шоу управляемо свыше, принципиальный идейный расклад именно таков. ФОМ регулярно проводит массовые опросы, результаты которых близко совпадают с демонстрируемыми на телеэкране. Остается добавить, что наивысшие рейтинги неизменно получают телепрограммы примитивных шоу, дурацких комеди-клубов, кровавых боевиков и соответствующих сериалов. Популярность советской классики – ностальгический фантом.

Сегодня ни один аналитик не предвидит в обозримом будущем поворота с пути, начертанного Владимиром Путиным. Дэвид Лейн, один из общепризнанных специалистов в изучении социально-экономических процессов в посткоммунистических странах, пишет: “Российский государственный капитализм и “суверенная демократия” наилучшим образом отвечают интересам страны в современном глобальном мире”¹. Перегрузка отношений с Западом – этому дополнительное свидетельство.

Закончу так. Давным-давно на меня произвела сильное впечатление новелла одного венгерского писателя (имя забыл). Старик крестьянин строит новый дом. У него умирает жена. Соседи сочувственно спрашивают, как он дальше собирается жить, и тот отвечает: дом буду строить. Я по-прежнему считаю, что социологи обязаны что-то делать, чтобы “влиять на движение планет”. Это наш гражданский долг.

8 ноября 2010

Приветствую, Володя!

ДШ 11. Разделяю ваше ощущение неблагополучия в стране. Россия сползает к авторитаризму, а в перспективе то ли национализм, то ли фашизм. Пересланные вами данные Лакера-Городницкого тому подтверждение:

“В России живет до половины всех нацистов мира [и], по данным департамента по противодействию экстремизму МВД, орудут более 150 радикальных группировок неонацистской направ-

¹ Лейн Д. Российская трансформация: становление мировой державы?// Мир России. 2010. № 4

ленности”; “число преступлений экстремистской направленности, совершенных на почве национальной, расовой или религиозной ненависти, неуклонно растет”; “за первое полугодие 2010 года было зафиксировано 370 таких преступлений – это на 39 процентов больше показателя за аналогичный период прошлого года”; “фашисты заявляют, что они “пойдут во власть””.

Вчера узнал об избииении Олега Кашина. Еще до этого угробили Эстемирову, Бабурову, Политковскую, Хлебникова, Шекочихина... Число журналистов, убитых за последние десять лет, перевалило за сотню, а искалеченных и избитых в несколько раз больше³.

В 2000 г. вышла книга с интервью Путина “От первого лица”, где он среди прочего рассказывал, как хулиганил с братьями Ковшовыми в своем переулке, пока не взял курс на общественную работу и не перешел на службу в КГБ. Судя по воспоминаниям кое-кого из людей, знавших его в это время, он уже тогда был человеком скрытным, злопамятным, и, судя по тому, как он обращался со своей женой, жестоким. Его темперамент определяет политические нравы современной России, но здесь и обратная связь. Плехановский вопрос о роли личности в истории остается в силе, как и извечный вопрос, что делать и кто виноват.

Не так давно натолкнулся на интервью 2005 г. с Татьяной Заславской, заставившее задуматься:

“Почему общественная наука обязана давать рецепты? Физик изучает звезду, находящуюся на расстоянии 321 светового года пути, и открыл, что у нее появилась какая-то пара. И у него открытие. А от нас требуют, чтобы мы сказали, как управлять государством! Но мы же ученые, мы только должны исследовать реальность – какова она, и говорить, что вот, она такова. Я думаю, что это в значительной степени правильно. То есть сапоги должен делать сапожник, а пироги печь пирожник... Допустим, завтра меня

² “В России насчитали более 150 радикальных группировок националистов”, Lenta-Ru, <http://www.lenta.ru/news/2010/10/28/radical>. См. Walter Ze'ev Laqueur, The Changing Face of Antisemitism: From Ancient Times to the Present Day, London and New York: Oxford University Press, 2006; The Last Days of Europe: Epitaph for an Old Continent, Thomas Dunne Books, 2007; After the Fall: The End of the European Dream and the Decline of a Continent, New York: Macmillan, 2012; Putinism: Russia and its future with the West, New York: Thomas Dunne Books, 2015.

³ Список журналистов, убитых в России, Википедия, http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D1%83%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%8B%D1%85_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8#2000.E2.80.942002

Путин приглашает к себе и говорит: “Татьяна Ивановна, чего делать с Россией?” – “Владимир Владимирович, вам виднее все-таки, вся информация в ваших руках”¹.

Это говорит один из подвижников перестройки – экономической, политической, моральной. Понять человека можно – усталость, годы не те, хочется дожить свой век в покое. А как вам видится эта установка Татьяны Ивановны? Какие возможности “влиять на движение планет” еще остались?

Ваш, Дима

9 ноября 2010

Дима, отвечаю сразу же, есть время.

Посмотри также приложение “Культура и экономика”,

Привет,
Володя

ВЯ 11. Возможности все же есть; капля камень точит. Уже сегодня это видно:

“По данным фонда “Общественное мнение”, рейтинг доверия президента Медведева снизился на 10% и теперь составляет 52% (62% в январе этого года). Предыдущее падение индекса доверия президента было зафиксировано в 2008 году, когда начался кризис. Рейтинг премьера Владимира Путина опустился на 8% и теперь составляет 61% (69% в январе). Последний раз падение доверия к Владимиру Путину было зафиксировано в апреле 2006 года, после проведения реформы о монетизации льгот”².

Конечно, мнения людей неустойчивы, будут ситуативные колебания. То, что называют публичной социологией, – один из факторов влияния на общественное мнение и важный источник информации для политиков и журналистов оппозиции.

Татьяна Заславская говорит, что рецептов для лучшего состояния общества социологи дать не могут. Я согласен: рецепты – не наше дело. Но социальный исследователь (согласен с Т. И.) способен представить более или менее убедительную картину состояния общества, широко информировать о результатах своих исследований. Нет нужды писать записки начальству, помощники, принимающие решение, сортируют информацию и комментируют, исходя из интересов босса и своей компании чиновников (сегодня, к тому же, по большому числу коррумпированных). Социолог, если он не со-

¹ Заславская Т.И. Человеческий фактор в трансформации российского общества. 2005. <http://www.polit.ru/lectures/2005/10/13/zaslavskaya.html>

² www.dp.ru/a/2010/08/10/Putin_i_Medvedev_upali_vm.

стоит на службе во властной структуре и действует как гражданин, адресуется к обществу, не к властям.

Любопытный пример. 24-25 мая этого года в ГУ-ВШЭ по инициативе Е. Ясина состоялась международная конференция “Культура, культурные изменения и экономическое развитие”. Участвовали такие гиганты, как Дуглас Норт, Шалом Шварц, Ричард Нисбет, Гирт Хофстед, Рональд Инглхарт и др. Конференцию освещали в СМИ, Ясин договорился о приеме Путиным наиболее именитых участников. Они часа два беседовали на даче премьера (сюжет в новостях). О чем говорили – не знаю. Знаю, что обсуждали в зале заседаний. Высказывались интереснейшие идеи, подкрепленные хитрым анализом статистик общемировых и европейских опросов о ценностных предпочтениях и (в некоторых методиках) поведенческих намерениях народов множества стран. Для себя я извлек два важных вывода:

Культура влияет на экономику. НО. В кластерном анализе в зависимости от избранного критерия образуются совершенно несхожие гнезда стран: по критерию мировых религий, по уровню развития экономики, по большей зависимости от ближайшего прошлого в сравнении с исторически отдаленным (кластер посткоммунистических стран по опроснику Шварца включил Россию и Эстонию, Украину и Казахстан и т.д.).

Политическое устройство либерально-демократического или, напротив, авторитарного типа с экономикой связаны, но разным образом. Дискутанты на эту тему согласились в том, что в начале радикальных реформ авторитаризм более эффективен, далее он тормозит развитие (Чили, СССР).

Сообщили ли гости Путина об этом последнем? Если да, считает ли “лидер нации”, что пока рановато отпускать вожжи? Думает ли он вообще об интересах граждан или обеспокоен собственными интересами? Как бы то ни было, и Ясин, и другие активно популяризируют результаты исследований такого рода. На сайтах Вышки, нашего института, других регулярно вывешиваются тезисы, обзоры научных семинаров (семинары Ясина, Е.Тихоновой, Шкаратана в ГУ-ВШЭ, Ядова – в ИС РАН).

Капля камень точит.

12 ноября 2010

Добрый день, Володя.

Шансов повлиять на движение планет у астронома мало, у орнитолога на полет пти-

цы — немногим больше, а вот у социолога на общество — какие-то шансы есть. Так думали социологи со времени основания науки об обществе (Конт, Маркс, Милл, Дюркгейм, Вебер), однако степень этого влияния, равно как и его вектор, подвергались сомнению. Вот что по этому поводу писал Левада в конце своего научного пути:

“Иллюзия непосредственной практической пользы витала над первыми социологическими системами О. Конта и других мыслителей; в более зрелые времена отношение социологии с социальной практикой стали, естественно, трактоваться более сложно. Этот опыт почти буквально повторился в 60-е годы у нас, когда попытки возрождения социологической науки пришлось оправдывать ссылаясь на потребности ‘научного управления обществом’. Никакого ‘научного управления’ в условиях загнивающего социализма не получилось — как, впрочем, нет его и в развитых странах”¹.

У Майкла Буравого на этот счет несколько иная точка зрения, хотя и он скептически относится к прикладной социологии на службе управления. В прошлом году у меня с Майклом завязалась переписка по поводу национальной социологии в России. Я ему переслал свою статью на эту тему, а он мне выслал доклад о перспективах публичной социологии в России, который он пару лет назад представлял в Москве (обе работы размечены на сайте «Международная Биографическая Инициатива»²). Не знаю, публиковался ли доклад Майкла в России, но его стоит прочесть социологам, озабоченным судьбами страны и ролью общественных наук в развитии общества. Вот несколько выдержек из его работы:

“There are instances, therefore, of sociology emerging as a field under the impetus of one or more of the four types of knowledge: professional, public, policy and critical. Which of these prevail and in what combination is very much dependent on social science traditions within and beyond the academy, and also on the overall political and economic context that must include position in the world system. Russian sociology is hobbled by its preexisting links to the state, by the infusion of market forces, by the feebleness

of civil society, but also by the effects of a declining superpower”.

“The struggles of students at Moscow State University against the administration are precisely for a relatively autonomous field of sociology, free of arbitrary influence from outside. They and their allies struggle for an autonomy necessary to uphold a professional sociology without which there can be no public sociology. Very different are the sociologists at the Institute of Sociology in Moscow, the descendents of Soviet sociology, who think of themselves already doing public sociology investigating social problems with the use of the survey instrument, seeking to influence the state. In effect theirs may be as much a policy sociology as a public sociology. Finally, there is third wing of Russian sociology hostile to the Westernizing autonomists, namely the Russian nationalist sociology that claims to have a spontaneous public, and a following in many provinces. Perhaps they are, indeed, the true public sociologists in Russia. But before drawing that conclusion one would need to know whether and in what sense they are sociologists, in what ways do they subject their claims to empirical validation, in what ways do they develop a science of Russian society? They may be speaking to publics but do they do so as propagandists or as sociologists?”

“There is a deeper issue here. Can there be a public sociology without genuine publics? We need to think through a sociology of publics before we can have a sociology for publics. So much of Western critical scholarship — from Mills to Habermas to Bourdieu — has claimed that state and markets, media and advertising, have created a world of mass society with a limited public sphere. But there is considerable cross-national variation and one might conjecture that the public sphere in Russia is thinner, more fragile and fragmented than the ones in Western Europe and even the United States. The very concept of public has been corrupted by the manner of its deployment and manipulation by the Soviet party state. In Russia the notion of public has negative rather than positive connotations, so much so that there is a dispute as to how “public sociology” should be translated. Avoiding the obvious translation “публичная социология,” it has sometimes been translated as “общественная социология” (communal sociology), thereby missing the broader meaning of “public” as a distinct and autonomous sphere that stretches across society. It is not just a matter of the connotation of “public” but also its non-existence as an integrated national entity”.

“Interestingly, there is also no obvious word for policy sociology — the most commonly used being political sociology which, at least in its English rendition, is definitely not what is intended — since policy sociology embraced the whole of Soviet

¹ Левада Ю. Наши десять лет: итоги и проблемы [1997] / Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. М., 2000. С. 559.

² Burawoy M. Can Public Sociology Travel as Far as Russia? 2008. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/burawoy_russoc.html; Shalin D. National Sociology and Paradigm Pluralism: Pragmatist Reflections on Russian Sociology. 2009, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_nationalsoc.html.

sociology. Where there is no recognized and independent professional, critical or public sociology so, with few exceptions, sociology served the party state. Policy sociology has been translated variously as “прикладная социология” (applied sociology) or “заказная социология” (sociology made to order) neither of which quite captures the multifarious meanings of “policy sociology.” The difficulty in translation bespeaks of the very different political legacies of the Soviet and indeed pre-Soviet eras that can make the categories of Western sociology appear anomalous in the Russian context”.

Встреча социологов с Путиным – пример экспертно-прикладной социологии. Последняя пытается влиять на политику через административные органы, исходя из того, что изменить направление политики нельзя, не изменив образ мышления начальства. Дискуссия на телевидении – ближе к идее публичной социологии, поскольку она формирует общественное мнение и преобразовывает гражданское общество. Но здесь встает вопрос, поднятый Буравым – возможна ли публичная социология там, где нет настоящей публики, где гражданское общество неразвито или отсутствует совсем?

Можно и, наверно, нужно действовать по всем направлениям сразу, но, если следовать принципам публичной социологии, то деятельность общественных деятелей должна сосредоточиться на возрождении институтов гражданского общества, последовательно разрушаемых сегодняшней администрацией. Здесь социолог выступает скорее в роли гражданина, чем носителя профессиональных знаний. В условиях современной России важны не столько научные исследования, сколько гражданское мужество, готовность защищать конституцию, способность выйти на площадь. А что может стать с теми, кто готов публично защищать свои права и открыто занимать критическую позицию по отношению к начальству, мы знаем на примерах Кашина, Фетисова, Политковской, Гиренко и многих других.

Что делать в таких условиях, каждому решать самостоятельно. Общего решения я здесь не вижу.

Ваш, Дима

14 ноября 2010

Дима, сообщение Буравого я слышал и даже участвовал в обсуждении, оно публиковалось в сборнике о публичной социологии. Сейчас выходит наша книга, где в центре – проблема формирования активной социальной позиции. Рассматриваются случаи становления организаций

самоуправления многоквартирными домами, коллективного контроля ипотечных заемщиков над ходом строительства их будущего жилья, забастовка на АвтоВАЗе и др. Сбрасываю текст заключения книги и листовку издательства. Считаю, что и такие публикации – вклад в публичную социологию, ибо книга написана доступным непрофессионалу языком с пояснениями смысла многих специальных терминов.

Привет. Володя.

27 ноября 2010

Добрый день, Володя.

ДШ12. Я закончил работу над индексом книги и возвращаюсь к нашему разговору. Меня интересует роль обществоведов-националистов в современном политическом дискурсе России. Я имею в виду людей типа Осипова, Добренкова, Жукова, Малинкина. Мне неясно, в какой степени к этому ряду можно отнести Михаила Горшкова, принимавшего активное участие в учредительном Съезде социологов России, или Александра Филиппова с его призывами развивать национальную социологическую теорию. Было бы интересно узнать ваше мнение по этому поводу.

Что касается Геннадия Осипова, то эволюция этого человека мне кажется весьма характерной для ультра-патриотического направления в современной российской социологии.

В годы “оттепели” он был чем-то вроде либерала, осуждал культ личности, способствовал возрождению эмпирической социологии в России, хотя, мне думается, Игорь Кон переоценивает его роль в этом процессе. Встреча в ЦК, где Осипов обещал партийному начальству сводки оперативной социологической информации, состоялась, когда климат в стране уже существенно менялся, когда Митин и Константинов заговорили о пользе социологии. Но как только повеяло застоем, Осипов перестраивается. Его работы этого периода пестрят верноподданническими заверениями о том, что “партийность марксистско-ленинской социологии есть одновременно и залог ее научности”, что “социология в СССР является действительным оружием в руках Коммунистической партии и советского народа в борьбе за полное торжество коммунизма в СССР”¹, и далее по схеме.

С приходом к власти Горбачева взгляды Осипова вновь меняются. Теперь он вдохновенно ругает “дилетантов и бюрократов от на-

¹ Осипов Г. Теория и практика социологических исследований. 1979. М., Наука. С. 64, 261.

уки, [которых] у нас развелось великое множество”, и разоблачает “армию приспособленцев, которые приклеивают воображаемому другим то, что они сами утверждали вчера и за что, пользуясь прерогативой власти, карали других как инакомыслящих”¹. Еще совсем недавно Осипов заверял начальство, что “Марксистско-ленинское учение является единственно гуманистической научной теорией общества”², но теперь он выражает свое презрение к “догматической схеме марксизма-ленинизма” и гневно осуждает “предательство национальных интересов руководством КПСС”, “тоталитарный государственный режим и всевластие партократической коммунистической элиты”³.

В 2002 году Осипов писал в статье о глобализации, что Россия – это “часть мирового сообщества”, и призывал к “расширению сотрудничества с США и созданию совместных проектов, начиная с нефти и газа, и возобновляемого фонда для финансирования развития перспективных российских технологий”. Но вот путинская вертикаль власти утвердилась, и у Осипова опять смена вех: “Тезис о вступлении России в западную цивилизацию, которая к тому же ныне находится в стадии системной деградации, не только исторически несостоятелен, но и практически вреден, так как “обновляет” процессы разрушения российской самобытности, российских традиций, обычаев и соборности”⁴. Призывы к сотрудничеству с Западом теперь рассматриваются как проявление “реальной борьбы за мировое господство, за рынки сырья и сбыта, которыми так богата Россия”, как плохо замаскированные попытки “сломать стеновой хребет Российской государственности”, а критика идей национальной исключительности России осуждается как русофобство: “Пора перейти от пассивной обороны, о чем и говорил в своем послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин,

к наступлению, к разоблачению этих фальшивых, антигуманных российских русофобских лозунгов и предложений”⁵.

Володя, вы знаете Геннадия Осипова лучше многих – откуда у него такая склонность к реформаторству и умение перестраиваться?

Ваш, Дима

30 ноября 2010

Привет, Дима. Посылаю ответ на последний вопрос.

Всего доброго.

Володя

ВЯ 12. Осипов, Добренков и Жуков – люди, привыкшие быть “номенклатурными” в советское время и таковыми же оставшиеся. Они очень ценят любые знаки “государевой доброжелательности”. Например, учреждение институтами Осипова и ИС серебряной медали Питирима Сорокина потребовало немало денег и крайне помпезно рекламировалось. Представление социологов к правительственным наградам обсуждалось директорами обоих институтов, причем Горшков со значением сообщил мне, что “Осипов сам назвал Ядова” в числе особо достойных ордена (я почему-то получил орден Дружбы народов, не “За заслуги перед...” – вроде издевки). Выборы в Академию – предел мечтаний, а репутация в социологическом сообществе – ничто. Наш директор отличается тем, что находится в ином “контексте”: все же первую скрипку в ИС пока что играют исследователи старой когорты и их единомышленники. Но постепенно тематика проектов поворачивается в сервильную сторону. Горшков вошел в редколлегию нового журнала официоза, программа которого – содействие становлению гражданской нации (текст Путина открывает первый номер). На узком приеме по случаю своего дня рождения в начале этого года Горшков произнес тост за дальнейшие успехи и сказал, что минувший 2009-й был годом, в котором “мы вписались в структуру” (по смыслу – государственную структуру).

Саша Малинкин и Филиппов, как и Добренков – явные националисты. Гордятся своим русофильством. Геннадий Осипов восседает в кабинете под картиной маслом написанной с фотографии: позируют, стоя рядом, академик и Патриарх. По случаю 80-летия Осипову был повешен на шею церковный орден⁶.

¹ Осипов Г. Человеческий фактор ускорения (к вопросу о разработке социологической концепции) // Социологические исследования. 1987. № 5. С. 16.

² Осипов Г. Технократические концепции управления в современной социологии // Социологические исследования. 1978, № 3. С. 20.

³ Осипов Г. Что происходит с социологией // Академическая трибуна. 1997. <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/08/22/0000218860/001.OSIPOV.pdf>. Осипов Г.В., Кузнецов В. Н. Социальная роль социологии в XXI веке. 2005, http://www.ispr.ru/Confer/Images/Osipov_Kuznetsov.pdf.

⁴ Осипов Г. От стратегии разрушения к стратегии социального прорыва // Доклад академика РАН Г.В. Осипова на расширенном заседании Ученого Совета ИСПИ РАН, 10 марта 2004 г., http://www.ispr.ru/Confer/Osipov_strateg.html.

⁵ Осипов Г. Русские в современном мире. О путях и методах решения «русского вопроса» // Золотой Лев. 2007, № 135-136, http://www.zlev.ru/135/135_59.htm.

⁶ См. http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/yadov_osipov_10.pdf

Геннадий, сколько его знаю, всегда отличался естественной для его природы беспринципностью. Например, врал, глядя в глаза. Постоянно интриговал, тщательно продумывая все ходы. Однажды, будучи директором организатором ИС, я зашел без предупреждения в его комнату и увидел на столе рисунок схемы наподобие графа со стрелками и значками. Он улыбнулся и ничего не объясняя, заговорил о делах. Схемка оставалась на столе. На социологическом конгрессе в Варне, где нам было велено, как тогда водилось, “дать отпор антисоветчине”, во время пленарного заседания Осипов обрезал провод трансляции перевода. В гостинице со смехом рассказывал, как это сделал. Одно время давал нам с Игорем Коном кое-какую литературу, что получал из Америки. Потом заявил, что книги ему присылать перестали. Между тем Джордж Фишер, занимавшийся рассылкой литературы в Союз в ответ на нашу просьбу согласился на обмен и с ленинградцами. Сообщил, что будет нам высылать больше по социопсихологии, а Осипову — социологическую литературу.

Получается такой синдром: отсутствие нравственных тормозов плюс карьерные устремления в системе властных структур государства (Академии, прежде всего), плюс русофильство и, наконец, подлинный талант интригана. Я говорил, что репутация в профессиональном сообществе Геннадия беспокоит далеко не в первую очередь. После скандала с нашей судебной тяжбой по случаю моей статьи в «Известиях» (написал, что Осипов опубликовал “фашистский” манифест), в Международной социологической ассоциации ему невозможно было появляться. И, хотя прежде Геннадий там активно действовал, не похоже, чтобы этот факт он воспринял драматически. Неприятность — не более. Его нынешняя просоветская позиция, как представляется, подпитывается властным импульсом.

2 декабря 2010

Добрый вечер, Володя.

То есть, у вас уже утро, а у нас дело идет к вечеру. Солнце заходит по-зимнему рано, стало довольно холодно (по местным меркам), хотя днем воздух в Лас-Вегасе прогревается до 10-15°, и можно играть в теннис на открытых площадках.

Спасибо за комментарий о Геннадии Осипове и замечательную виньетку о его чествовании у Патриарха Всея Руси по случаю юбилея номенклатурного социолога (http://cdclv.unlv.edu//archives/Interviews/yadov_osipov_10.pdf).

Я включил ваш рассказ об этом историческом событии в качестве приложения к нашей переписке, кою пересылаю вам под скрепкой с этим посланием (мои вопросы к вам помечены инициалами и номером, ответы обозначены вашими инициалами и соответствующим номером). При случае перечитайте весь текст; возможно, что-то нужно поправить, дополнить.

ДШ 13. Возвращаясь к Геннадию, вот неполный список ролей, которые ему удалось сыграть за его долгую карьеру — умеренный либерал в хрущевскую “оттепель”, правоверный марксист в годы застоя, прораб перестройки в пору Горбачева, поборник международного сотрудничества при Ельцине, консерватор-державник при Путине, и при всех режимах — номенклатурный ученый, готовый обслуживать существующую власть. Кем-то еще станет, когда колесо истории вновь придет в движение, а пока это ура-патриот с ярко выраженным религиозным уклоном:

“Известно, что в прошлом столетии, несмотря на определенную ограниченность и критику со стороны демократических сил, положительную роль сыграла в России формула: “православие, самодержавие и народность”. Социологами Института социально-политических исследований РАН предложена новая триединая идея: “духовность, народовластие и державность”. Затем она была развернута в общенациональную стратегию развития России, с определением главных целей в сфере экономики, политических отношений, социальной области и внешнеполитического курса”¹.

Любопытна ваша мысль насчет того, что мнение коллег по цеху — в России или зарубежном — Осипова особенно не волнует. Важно, как к нему относится власть; если с этим все в порядке, место у кормушки обеспечено, а остальное третьестепенно. Не знаю, в какой степени он отдает себе отчет в своей жизненной стратегии, работает ли по Станиславскому, увлекаясь и начиная верить в свое перевоплощение, или есть здесь элемент Брехтовского отчуждения и двурушничества.

Было бы любопытно узнать ваше мнение и о других исторических персонажах, с которыми вам приходилось иметь дело — Михаиле Руткевиче, Василии Ельмееве, Анатолии Дмитриеве, — и их сегодняшней позиции. Но еще бо-

¹ Осипов Г. Что происходит с социологией// Академическая трибуна. 1997. <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/08/22/0000218860/001.OSIPOV.pdf>.

лее интересен ваш взгляд на социологов совсем другого рода, чьи действия и высказывания вызывают у меня недоумение. Например, к какому кругу можно отнести Никиту Покровского? Вроде, серьезный социолог, хорошо знаком с американской социологией, но, если я не ошибаюсь, он поддержал создание ССР.

А можно взять и такие иконические фигуры как Юрий Давыдов, чьи патриотические высказывания незадолго до смерти вызвали недоумение. Тот же Геннадий Батыгин, чей вклад в отечественную социологию сомнению не подлежит, пишет следующее о Руткевиче:

“Например, М.Н. Руткевич научил меня дисциплине, независимости. О нем обычно говорят плохо, во всяком случае, те люди, которые считают себя прогрессивными “шестидесятниками”. Но он самостоятельный, независимый человек и начальства не боялся в отличие от многих шестидесятников, которые ругают начальство только за глаза. Когда же нужно по-настоящему вступить в бой — они не вступают. А Руткевич — боец”¹.

Прочел я это и подумал, а как на это суждение отреагировали Кон, Ядов, Шляпентох? Не знаю, Володя, есть ли у вас желание комментировать такого рода сюжеты, но если есть что сказать, буду признателен.

Ваш, Дима

4 января 2011

Добрый День, Володя.

Поздравляю с Новым годом и желаю вам всего самого доброго, начиная со здоровья.

С месяц назад послал вам сводку наших вопросов-ответов, а заодно и новый вопрос. Дайте знать, дошло ли до вас это послание. На всякий случай пересылаю последнее приглашение поразмыслить.

Ваш, Дима

9 января 2011

ДИМА, ОБ ОСИПОВЕ ДОБАВИТЬ НИЧЕГО НЕ МОГУ. ДУМАЮ, ОН ПО СТАНИСЛАВСКОМУ ИГРАТЬ НЕ СПОСОБЕН. ЕСЛИ ДА, ТО НЕ ВЫХОДИЛ БЫ ИЗ ПСИХУШКИ.

ПОСЫЛАЮ ВЕСЬМА СПОРНЫЙ ТЕКСТ [об Ирвинге Гофмане, В.Я. 14]². БУДУ БЛАГОДАРЕН ЗА КРИТИКУ И СОВЕТЫ.

ВЛАДИМИР

¹ Батыгин Г. Никакого другого пути я даже помыслить не мог...// Социологический журнал. 2003. №2, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/batygin_2002.html.

² Ядов В. А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана, http://www.isras.ru/files/File/Publication/Popitka_pereosmislit_Yadov.pdf

17 января 2011

Привет из Лас-Вегаса, Володя.

Тему Осипова мы обсудили, оставим его в покое. Но мой последний вопрос касался других людей, в частности Батыгина. Меня удивило высказывание последнего о Руткевиче, где он утверждает, что “о нем обычно говорят плохо, во всяком случае, те люди, которые считают себя ‘прогрессивными шестидесятниками’”. Но он самостоятельный, независимый человек и начальства не боялся в отличие от многих шестидесятников, которые ругают начальство только за глаза. Когда же нужно по-настоящему вступить в бой — они не вступают. А Руткевич — боец”. Мне хотелось узнать, что вы думаете по поводу этого суждения. Ну да ладно.

ДШ 14. Теперь об “Анализе фреймов”. Написанная Гофманом в период его увлечения лингвистикой, эта работа трудный орешек для эмпирически ориентированного исследователя. Не ясно, как операционализировать исходные понятия Гофмана: где кончается первичная система фреймов и начинается фабрикация, как театральные фреймы переходят в незафреймованное действие, чем поведение в определенном ключе отличается от ламинации ситуативного палимпсеста и т.д. Согласно Батыгину, фрейм это “способность собирать мир в организационное целое”, но это также и способность абстрагироваться от целого и схватывать предмет вне контекста его альтернативных объективаций. Фрейм это “матрица возможных событий”, пишет Вахштайн, но в одной и той же ситуации могут быть задействованы разные матрицы и протекать множество событий; понять, что происходит в данном случае безотносительно к интерпретации участников события, как на то рассчитывал Гофман, дело сложное, если не безнадежное. Методология исследования социального квантования в микромире Гофманом не разработана. Если этнометодология Гарфинкеля это метод в поисках теории, то драматическая социология Гофмана это теория в поисках метода.

Тем не менее я понимаю, чем вас привлекла концепция фрейма, или точнее рефрейминга. “В наших кейсах люди оказывались в таких жизненных обстоятельствах, когда теряли ориентацию в жизненном пространстве”. Вы исследуете тектонические сдвиги в жизни субъекта постсоветской эпохи (перестройка как рефрейминг) и хотите приспособить концепцию Гофмана к изучению исторических перемен и их отражению в перформативных практиках.

Какие-то из ваших кейсов лучше сочетаются с понятием фрейма, какие-то хуже. Скажем, рабочие забастовщики берут на вооружение театральную тактику, драматизируют свои требования к администрации, демонстративно стучат по столу кулаком. Здесь мы имеем дело с перформансом, нацеленным на определенную аудиторию, требующим сценических навыков и указывающим на существенные сдвиги в обыденном сознании и поведении людей постсоветской эпохи. А вот челночник уклоняется от театрализации, он не хочет, чтоб его разглядывали, для него новая идентичность — обуза. Можно и эту стратегию подвести под понятие фрейминга (фабрикация, выхода из фрейма, и т.д.) и связать ее с дискомфортом белого воротничка-интеллекта в рыночных условиях, но этот кейс легче описать в терминах ранней работы Гофмана «Презентация Я».

Ваша статья «Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана» интересна не только как попытка приспособить понятие фрейма для анализа исторических сдвигов, но и как иллюстрация полипарадигматического подхода в социологии. Можно было бы переписать вашу работу в этом ключе, показав, как один и тот же кейс раскрывается по-новому в альтернативных теоретических перспективах, и как данная теория высвечивает определенные стороны разнородных кейсов. Своим студентам я говорю, что мне не встречалась парадигма, которая бы мне не нравилась, что каждая устоявшаяся теория способна давать добавочный смысл, — если она задействована талантливо. Однако большинство работ в любой теоретической традиции сделано по шаблону и не очень интересны. Дело здесь не в парадигме, а в социологическом воображении.

Томас и Знанецкий выстроили свою теорию на опыте исследования польских иммигрантов, чей образ мышления — «ценности» — сложились в средней Европе и плохо вязались с американскими реалиями. Отсюда трудности адаптации, разрыв поколений, дезорганизация семьи и коммуны. Герберт Блюмер и интеракционисты со скепсисом относятся к понятиям типа «ценностные ориентации», «аттитюды» и «личность». Они подчеркивают ситуативную лабильность, многослойную идентичность человека практики и связанную с ней неустойчивость поведения. Гофман доводит эту логику до логического конца: для него ценности это расхожий товар, дискурсивный ресурс актера-шулера с разной степенью мастерства представляющего себя аудитории под той или иной

маской. Человек Гофмана не «ценит» а «приценивается», он циник, у которого нет нравственного ядра, но есть понимание, чего требует ситуация и как ее можно повернуть себе на пользу. Теоретическая схема отражает задачи исследования и выдвигает на первый план то, что соответствует жизненному опыту исследователя и подпитывает его социологическое воображение.

Гофман мне очень интересен — не только, а может и не столько, как социолог, сколько как философ, литератор и (невольный) носитель культуры, которая дала миру понятие «потемкинские деревни». Родители Ирвинга эмигрировали из России в Канаду в начале XX века, и, как я пытаюсь показать на основе семейных архивов, основатель драматической социологии использовал в своей работе опыт адаптации иммигрантов, особенно иммигрантов из России. Эту гипотезу я сформулировал в работе «Самоэтнография Гофмана: На перекрестке биографии, теории и истории» (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/ega/articles/ds_eg_selfethno.html).

Спасибо за статью, Володя. Не уверен, что мои размышления будут вам полезны; тем не менее я рад ими поделиться.

Ваш, Дима

17 января 2011

ВЯ 14. СЕРДЕЧНОЕ СПАСИБО ЗА КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ. В СЛЕДУЮЩИХ ТЕКСТАХ НЕПРЕМЕННО ОТРЕАГИРУЮ НА ТВОИ ЦЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ. ОТЛИЧНО СКАЗАНО: “Дело здесь не в парадигме, а в социологическом воображении”. БЕРУ НА ОРУЖИЕ СО ССЫЛКОЙ, КОНЧНО. НЕ ИСКЛЮЧЕНО, ЧТО ПОПРОБУЮ РАССМОТРЕТЬ НАШИ КЕЙСЫ В РАЗНЫХ ПАРАДИГМАХ. Я ДУМАЛ ОБ ЭТОМ. ЗДЕСЬ ХОТЕЛ ПОКАЗАТЬ НАШУ МЫСЛИТЕЛЬНУЮ ЛАБОРАТОРИЮ.

БЫЛО БЫ ОТЛИЧНО, ЕСЛИ БЫ ТЫ ИЗЛОЖИЛ СВОИ СООБРАЖЕНИЯ В ВИДЕ РЕАКЦИИ НА СТАТЬЮ ЯДОВА, ВЫЛОЖЕННУЮ НА САЙТЕ ИНСТИТУТА. САЙТ ХОРОШО ПОСЕЩАЕМЫЙ. СООБЩИ СОГЛАСЕН ЛИ.

НАСЧЕТ БАТЫГИНА. ДУМАЮ, ЧТО В ПРЯМОМ РАЗГОВОРЕ С КЕМ-НИБУДЬ ИЗ “НАШИХ” ОН БЫ АККУРАТНЕЕ ВЫСКАЗАЛСЯ. ГЕННАДИЙ ОТЛИЧАЛСЯ ЖЕСТКОСТЬЮ СУЖДЕНИЙ. НАПРИМЕР, ПУБЛИЧНО ВЫСТУПАЛ НА НАШИХ ОБЩЕИНСТИТУТСКИХ СЕМИНАРАХ ПРОТИВ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬЩИКОВ (В ЕГО ЛЕКСИКОНЕ — ЭКЛЕКТИКАХ) А ПОЗЖЕ

ПРИЗНАВАЛ ИХ ПОЗИЦИЮ РАЗУМНОЙ. ТО ЖЕ И О КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДАХ: ВЫРУГИВАЛ ПОНАЧАЛУ, ХОТЯ, ПРИЗНАВАЯ ИХ УМЕСТНОСТЬ, НЕ ИСПОЛЬЗОВАЛ В СОБСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. НАПРОТИВ, ВЕЛ ДЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ “ВОРДИНГ” (WORDING), СТРЕМЯСЬ В ДОЛЯХ ПРОЦ. ОПРЕДЕЛИТЬ СТЕПЕНЬ РАСХОЖДЕНИЯ В ПОНИМАНИИ СМЫСЛА ВОПРОСА ИНТЕРВЬЮЕРОМ И РЕСПОНДЕНТОМ.

ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО.

ВОЛОДЯ

<...>

28 марта 2011

Приветствую, Володя!

Рад слышать, что моя книга до вас дошла. Последние две главы в ней о России, националистической социологии, и вашей полемике с Осиповым.

Есть там еще один сюжет, который меня интересует, — отношение к прагматизму в России. Было бы интересно выслушать ваше мнение на этот счет, а за сим и вернуться к нашей неспешной беседе.

Ваш, Дима

<...>

29 марта 2011

Дима,

ВЯ 15. Я внимательно прочитал последнюю главу. Первую ее часть (советская социология и Осипов-Ядов) ты мне посылал раньше. Далее, имея в виду социологию в нынешней России, ты пишешь о возможном ее подавлении властью. Сегодня это не столь очевидно.

Главное в твоей позиции: «I would like to suggest that the pragmatist ethos offers a useful perspective on mixing advocacy and scholarship in social sciences» (р. 360). Ты находишь немало авторитетов в поддержку этого тезиса. Боюсь, что здесь читатель поймет данный постулат по-разному, ибо в западной (американской) культуре это одно, в России — совершенно иное. Как общество с имперской традицией и особой ментальностью граждан прагматизм = практицизм понимается у нас недвусмысленно как лакейство перед властью имущими. Я в этом убежден.

По идеальной шкале академизма ты убедителен, по прагматической шкале академизмов в разных культурах — ?

Проблема.

Прилагаю провокативный текст Юрия Афанасьева.

Обнимаю,
Володя

31 Марта 2011

Добрый день, Володя.

ДШ 15. Значит ситуация в российской социологии сегодня менее тревожна, чем два года назад, когда я работал над статьей о национальной социологии в современной России. Ну, и слава богу. Будем надеяться, что ультра-националисты не подомнут под себя либеральные направления в социологической науке.

Вопрос о судьбе прагматизма в русской культуре для меня остается открытым. Имперская традиция могла подпитывать неприязненное отношение россиян к прагматизму, но имперский период был и в Германии, где прагматизм также отождествлялся с практицизмом и отрицанием высокой культуры. На этом сходились теоретики консервативного крыла (Шелер, Хайдеггер) и либерально настроенные представители левого толка (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе). Однако в послевоенные годы отношение к прагматизму в Германии резко переменялось. Сейчас там задают тон теоретики, настаивающие на тесной связи прагматизма с демократической традицией (Аппель, Хабермас, Йоас). Хотелось бы верить, что и в России со временем изменится отношение к прагматизму.

Любопытные соображения на эту тему я нашел у Сергея Аверинцева. В работе об античной биографии он отмечает, что “Плутарх любит настаивать на авторитете исповедуемого им платонизма..., но в целом от платонического ригоризма у него ничего не остается; очень часто роль противоядия от последнего для Плутарха играет гораздо более прагматический перипатетизм с его вкусом к житейской психологии”¹. Там же Аверинцев ставит вопрос о преобладании платонизма и недостатке аристотелизма в России:

“В Древней Руси сочинения Платона и Аристотеля были равно недоступны иначе, как в извлечениях, цитатах, то аутентичных, то апокрифических, и в пересказах. В России XIX-XX столетий были, разумеется, специалисты по философии Аристотеля, как и специалисты по философии Платона. Но контакт национальной культуры,

¹ Аверинцев С. Плутарх и античная биография. Москва: Наука, 1973, с. 73.

взятой как целое, с той или иной философской традицией, взятой опять-таки как целое, — это особая проблема. Возьмем на себя смелость сказать, что с Платоном русская культура встретила, и не раз. В Древней Руси эта встреча происходила при посредничестве платонизирующих Отцов Церкви. В России XIX–XX столетий посредниками были Шеллинг и русские шеллингианцы, включая великого Тютчева, затем Владимир Соловьев, Владимир Эрих, отец Павел Флоренский, Вячеслав Иванов. Античной философией занимались оппоненты позитивизма и материализма, более или менее романтически настроенные; и естественным образом они брались не за скучные трактаты Аристотеля, а за поэтические диалоги Платона. Но встреча с Аристотелем так и не произошла. Несмотря на деятельность упомянутых выше специалистов, Аристотель не прочитан образованным обществом России до сих пор¹.

Аристотель по праву считается предтечей философского прагматизма с его скептическим отношением к общим понятиям и незаземленным абстракциям, и если прагматизм не привился в России, то это отчасти связано с преобладанием платонизма и недостатком аристотелизма в русской культуре. Вопрос, что здесь причина и что следствие, является ли замедленное внедрение аристотелевского эмпиризма в России причиной того, что философский и политический прагматизм здесь не в почете, или неприятие русской культурой прагматического операционализма и стремления к компромиссу [золотая середина] тормозит распространение философии Аристотеля.

Вопрос этот не отвлеченный; я думаю, что с ним связана судьба российской демократии.

Ваш, Дима

4 мая, 2011

Добрый день, Володя.

Еще раз спасибо за цветы и открытку на мемориале Игоря Кона (http://cdclv.unlv.edu/archives/Tributes/kon_card.pdf). Я только что закончил правку моего старого интервью с Игорем, которое должно появиться в июльском номере “Социологического журнала” (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kon_96.pdf). Надеюсь, что со временем мы сможем дополнить его воспоминаниями об Игоре, как мы это сделали после публикации интервью Левады.

Пересылаю вам свежие комментарии к моему интервью с Андреем Алексеевым (они долж-

ны выйти в следующем номере “Телескопа”)². В этих заметках я сравниваю дискурс социолога-эмигранта и социолога-россиянина, рассуждаю о ретроспективной ошибке в автобиографических повествованиях и ставлю вопрос об этико-методологических проблемах натурального эксперимента. Вам могут быть безразличны какие-то из моих наблюдений, тем более что ваше имя всплывает по ходу изложения. Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу этих заметок и продолжить наш диалог.

Ниже я привожу несколько вопросов, адресованных вам. Если будет время и настроение, то поделитесь вашими мыслями на эти и смежные темы, затронутые в моих заметках.

ДШ 16. В ходе интервью с Андреем и сотрудниками ИСИ возник вопрос об обстоятельствах увольнения из института Павла Буторина³. По версии Андрея, Павел уволился по собственному желанию до своего отъезда с целью смягчить последствия для сотрудников. Павел и Эдик говорят, что Павел не хотел увольняться, что его уволили против воли по требованию администрации института. Как вам запомнился этот эпизод?

ДШ 17. В свое время Наташа Мазлумянова⁴ спрашивала вас, как менялись ваши взгляды в брежневские времена, насколько к тому времени расшаталась вера в КПСС. Наташа не помнит ваш ответ, но у нее осталось впечатление, что он был не очень ясным. Учитывая преследования, которым вы подвергались в 1970-е и 1980-е, потеряли вы тогда веру в компартию и советский строй? Как вам сейчас видится этот отрезок вашего жизненного пути?

ДШ 18. В своих комментариях я привожу мотивацию коллег, решивших уехать из России и решивших остаться. Как вам тогда виделись социологи-эмигранты, осуждали ли вы их намерение покинуть родину, и как вам они видятся сегодня? Что отличало интеллигента патриота времени застоя и что сегодня обращает

¹ Аверинцев С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. Москва, 1996, <http://forum.hnet.ru/index.php?showtopic=68997>

² Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // Телескоп. 2010, №4., http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html.

³ Павел Буторин (1948) — аспирант и сотрудник Института конкретных социальных исследований (РАН), эмигрировал в США в 1974 г. В настоящее время живет в Нью-Йорке.

⁴ Наталья Яковлевна Мазлумянова (1952–2013) — старший научный сотрудник Института социологии РАН, член редколлегии и ведущий редактор “Социологического журнала”, специалист по методике и методологии социологических исследований.

на себя внимание в дискурсе российского социолога-эмигранта и социолога-неэмигранта?

Буду признателен за ваши наблюдения и критику по вопросам, поднятым в моих комментариях.

Ваш, Дима

8 мая 2011

В. Я. 16-18. Восхищаюсь, Дима, твоим стремлением “докопаться” до некоей объективности в предмете, где таковая недостижима. Биокритическая герменевтика крайне увлекательный процесс, схожий с детективным расследованием. Ты являешь собою мистера Холмса, Ниро Вульфа и Мегре, пытающегося понять сложное переплетение мотивов фигуранта событий в процессе, называемом не то возрождением, не то становлением социологии в нашем отечестве более полувека тому назад. Холмс – безупречная логика, Ниро Вульфу требуются неопровержимые улики, тогда как мотивы на втором плане. Француз с набережной Д’Орсе озабочен именно мотивами поступков. Потому он позволяет себе утаить от прокурора некоторые факты в случаях, когда понимает вынужденность деяния фигуранта.

В отличие от детективного романа, твое повествование может быть предъявлено суду времени, не суду присяжных: немисливо вообразить их единогласный вердикт. Твоя работа – это документированный источник не только для историков. Здесь кроется сверхзадача: побудить читателя задуматься над вечной проблемой о смысле жизни. Не знаю, насколько ты сам осознаешь подобный мотив – т.е. безотносительно к непосредственному предмету исследования, – но в моем возрасте он не может отсутствовать.

Начну с вопроса, потерял ли я веру в компартию и советский строй и как мне сейчас видятся брежневские времена, “насколько к тому времени расшаталась вера в КПСС”.

Я повторю, что был и остаюсь сторонником идеи социализма. Убежден, что справедливо лишь то человеческое устройство, в котором избранные большинством правители стремятся не допускать вопиющего разрыва в уровне благосостояния граждан, не говоря о персональной порядочности этих правителей. Я руководствуюсь принципами собственной концепции диспозиционной регуляции социального поведения. Что это означает? Есть базовые ценности, определяющие стратегию жизненного пути. Их реализация в жизненных практиках не всегда возможна “в чистом виде”, но ценностные

ориентации определяют границу допустимого компромисса. Это мое кредо. Не было случая предательства, доноительства – уже хорошо. Были эпизоды трусости: не поехал в Москву защищать Леваду на разгромном собрании, промолчал тогда-то и там-то. Но, прошу верить, подолгу размышляя перед сном, не могу сейчас вспомнить чего-либо худшего. Возможно, действуют защитные механизмы психики, тогда пусть, кто не безгрешен, бросит камень, пусть и грешник поднимет камень.

Я всегда оставался романтиком, всегда вообразил, что справедливость восторжествует. Никогда не отождествлял идею с именами наших вождей. Еще до войны помню, как шептались родители, как друг отца пришел с Литейного, поддерживая брюки (отпустили гэбешники), помню, что мальчишкой стыдился своего еврейства, и перед приходом переписчика во время переписи населения в 1937 году (мне было 8 лет) спрашивал маму, могу ли записаться русским. Все это сегодня видится как удержание образа Self. Поверишь ли, я с удовольствием смотрю телефильмы своего детства и юности. Как социолог не очень понимаю массового телезрителя. Ему предлагают дурацкие сериалы, доходно. Правнук Димка бременских музыкантов не жалуется, предпочитает космические войны.

Увы. Все, что происходит вокруг, не радует. Отвратны политики и шоумены, огорчает молодежный сленг, практицизм большинства, вопиющий эгоцентризм. Рассудком понимаю, что действительность неподвластна нашим желаниям, но утешения в этом не нахожу. Будущее человечества мрачно, судьба внуков и правнука представляется более оптимистично – они уже приспособились и чувствуют себя вполне комфортно.

В резюме скажу. Человечество истари стремилось к справедливому общественному устройству. Иисус Христос был первым человеком-Богом и первым социалистом. Истинно так!

О социологах эмигрантах и “туземцах”. Уехавших я прекрасно понимал, хотя, как правило, знал или догадывался о различиях в мотивах эмиграции. Принимал как факт, и точка. Другое дело – остающиеся работать в России. Я практически столкнулся с этой проблемой, когда приезде в Москву, мы с Теодором Шаниным отбирали ребят на стажировку в Манчестерский университет, а в параллель (или ранее?) на учебу в США (посольство США развернуло бурную активность в этом плане). Главный

вопрос: вернуться или останутся? Британский совет ставил условие — непременно возврат. Поэтому заявителей в Англию я в роли директора института сам побуждал. И не напрасно. Многие из “манчестерцев” сегодня составляют гордость нашего сообщества. Из отправившихся за океан таких единицы, например, Вадим Волков и Олег Хархордин. Низко им кланяюсь.

Что до “стариков”, то здесь мое отношение к мотивам невыезда различается. Отлично понимаю просветителя Игоря Кона. Кто, если не я? — его интенция. Он видел смысл жизни в передаче знаний своим детям, каковых биологически не было. И воспитал, образовал не счесть скольких. Не слишком верю коллегам, которые говорят, что и в партию вступали, чтобы изнутри ее расшатать. Подозреваю, что это — рационализация постфактум. Сам я никогда о выезде не думал, правда, и причин жизненно важных для этого не было. К диссидентам относился как должно “порядочному человеку”. Ребят, которые ушли в кочегары, понимал, но не одобрял, считал, что это само-спасение, а надо что-то делать и для других.

Короче, Дима, мой бионаратив ферментируется, как и у всех, самоуважением к собственной персоне. Поэтому я гарантирую лишь искренность.

8 июня 2011

Добрый День, Володя.

Спасибо за добрые слова и откровенность. Разговоры у нас о социологии и социологах, но они также и о смысле жизни, как он видится каждому из нас. Здесь я с вами согласен.

Что касается истины в последней инстанции, то вряд ли желание докопаться до нее объясняет мое увлечение биокритикой. Как прагматист, я ищу истину на перекрестке возможных перспектив, а поскольку перспективы эти сами продукт истории, то исчерпать истину невозможно. Мне хочется собрать как можно больше свидетельств, вобрать в себя самый широкий круг интерпретаций, и тем самым стимулировать социологическое воображение.

Вот история с увольнением Буторина. Докладная записка, составленная Андреем Алексеевым, дает одну версию событий. Леня Кесельман приводит другие факты. А Буторин рисует совсем иную картину того, как его выгоняли с работы и исключали из комсомола¹. Не думаю, чтобы одна из этих версий исчерпала суть дела; каждая из них по своему ценна; только сопоставляя разные трактовки можно наде-

¹ Шалин Д. В поисках нарративной идентичности...

яться на прагматическое толкование того, что же все-таки произошло в ленинградском отделении ИКСИ АН СССР в 1974-м и 1975 годах. Буду признателен, Володя, если и вы добавите свою версию в общую копилку.

Другое дело мотивировки, авто-рефлексия, реконструкция нарративной идентичности. Самосознание избирательно. Как вы заметили, в основе его желание избежать когнитивного диссонанса и сохранить уважение к себе. Мотивируя собственные поступки, мы разьясняем, объясняем, оправдываем, критикуем свое поведение. И большего от автобиографии не стоит ожидать, хотя в каждом конкретном случае анекдотическая выборка [из всех релевантных событий] может быть более или менее репрезентативной. Пусть историки доискиваются истины, если им это интересно, сопоставляя факты, версии, интерпретации.

Мне близки ваши социал-демократические убеждения. Вместе с [Джоном] Дьюи и [Джорджем Гербертом] Мидом я вижу обобществление жизненных шансов — socializing of opportunity — важнейшей задачей демократической политики. Но социализм возможностей невозможен при капитализме собственности, а обобществляя собственность, мы подрываем личную инициативу и понижаем производительность труда. Не ясно, как лучше сбалансировать эти сверхзадачи, как совместить равенство шансов с неравенством результатов, вознаграждений, и наград. Как показывает опыт России и Китая, Маркс тут вряд ли поможет.

Ваш опыт с отбором студентов для учебы за границей очень интересен, как и ваши взгляды на эмигрантов, старых и новых. Хотелось бы развить эту тему. Любопытно, как вам виделись мотивы отъезжающих в то время людей вроде меня. Появится желание, поделитесь мыслями на этот счет. Не обязательно с упоминанием имен, хотя почему бы и нет. По крайней мере, в моем случае.

Трудно сказать, что стоит за моим интересом к биокритике — любопытство, инстинкт архивиста, уязвленная совесть — но здесь, несомненно, есть личный момент. Размышления на эту тему входят в задачу автобиографии.

В моей библиотеке есть книжка под названием “Методология и процедуры социологических исследований” с дарственной надписью автора: “Диме — самому критичному из социологов и самому социологичному из критиков”. Дата надписи — 6/XI-68. Я помню, Володя, как вы, присев на корточках, объясняли мне, студенту третьего курса, какой-то нюанс теории

аттитюдов. И я всегда буду вам признателен за необычайную щедрость, с которой вы делились знаниями со мной и моими друзьями-коллегами. Как вы и продолжаете это делать в сегодняшней переписке.

Всегда ваш, Дима

12 июня 2011

ДШ 18. Как вам виделись мотивы отъезжающих в то время людей вроде меня?

ВЯ 18. Я вполне понимал отъезжающих. Не считал себя вправе судить за них. Не помню, чтобы размышлял на тему. Был озабочен иными проблемами. Ясно лишь одно: мне в голову не приходило, что Борис, Дима и Шляп, сменив гражданство, останутся в России как исследователи. То, что вы предприняли вместе с Борей Докторовым, невозможно переоценить. Боря прислал мне статью «Шесть тысяч дней другой жизни». В ответ я написал в частности: «Смею заметить, что есть направление, требующее своего историка-аналитика, которое сегодня кричит о себе. Идеинный, идеологический раскол в нашем сообществе социологов. Биографические траектории действующих лиц – органичный компонент текущих событий. Проблема эта очень близка Диме Шалину. Может, подумаете вместе, как не упустить исторический шанс описать историю зарождения и постсоветскую историю нашей социологии более объемно. Материалов предостаточно».

Здесь, Дима, мое окружение и, конечно, я сам, глубоко вовлечены в обсуждение сложившейся ситуации. В контексте предстоящих выборов и откровенного насилия путинцев над гражданами, шайка Осипова найдет поддержку влиятельных лиц. Это момент исторического выбора каждого в нашем сообществе.

Такие дела.

Привет.

Володя

25 июня 2011

Добрый вечер, Володя.

В Лас-Вегасе гостит моя дочь Ариель, а завтра подъедет сын Гриша, и мы собираемся посетить один из национальных парков в Калифорнии или Юте. Посему и не отвечал на ваше послание. Но сегодня Ариель общается с друзьями, и представилась возможность вернуться к нашему разговору.

Свои автобиографические заметки «Шесть тысяч дней другой жизни» Борис, возможно,

использует в набирающей обороты дискуссии о дискурсе социологов эмигрантов и неэмигрантов (http://cdclv.unlv.edu//pragmatism/shalin_id_11.pdf). Он также пишет работу по истории российской социологии. Не знаю, доведет ли он свое исследование до сегодняшнего дня, до вне/очередного осиповского конгресса, но последний явно заслуживает внимания. События последних недель еще раз подтверждают, как трудно извлекать уроки из истории. Казалось бы, опыт Юрия Левады и Андрея Алексева должен был нас чему-то научить, но культура самостояния едва ли прижилась и инстинкт самосохранения по-прежнему довлеет над чувством собственного достоинства.

Хорошо бы сравнить стратегии выживания времен брежневского застоя и путинской суверенной демократии – мотивировки, рационализации, адаптивные реакции, жизненные траектории. Такого рода исследование более чем актуально, и материалы наших архивов здесь пригодятся.

Мне интересны ваши замечания о Путине и его роли в современной российской политике, большой и малой. Я уже несколько лет отслеживаю историю этого человека. Пару лет назад сделал доклад в Институте Кеннана “Presentation of Self in Russian Culture: The Case of Vladimir Putin”¹, в котором связал перформансы тогдашнего президента с традицией потемкинских деревень. Со временем надеюсь сделать биокритический очерк его жизненной траектории (см. http://cdclv.unlv.edu//pragmatism/shalin_putindemo.html). Будет время и настроение, пожалуйста, поделитесь впечатлениями о личности Путина, его диспозиционных и поведенческих особенностях (ДШ 18).

Всего доброго, Дима

25 июня 2011

ВЯ 18. К Путину я испытываю чувство ненависти. Жестокий и циничный, жаждущий власти, презирающий свой народ, он к тому же оказался человеком, к-рый стремится к сверхбогатству и роскоши. Как он ответил на вопрос “чего хотят либеральные политики?” Сказал: “Чего хотят? Власть и денег! Для него самого и “труба” есть личный источник накоплений. Не сомневаюсь, что этот человек имеет возможность шантажировать каждого из окружения, Медведева в том числе. Можно представить,

¹ Shalin D. Presentation of Self in Russian Culture: The Case of Vladimir Putin // Kennan Institute, January 10, 2008, http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1424/&fuseaction=topics.event_summary&event_id=342824.

сколько грязи выльют на этого деятеля лет через 30.

Привет.

В.

16 июля 2011

Добрый день, Володя.

Дети мои разъехались, теперь могу вам ответить.

Прежде всего, спасибо за откровенные суждения о Путине. Протестных настроений среди широких слоев населения не наблюдается, но, похоже, в среде интеллигенции человек этот уже многих достал. Здесь уместен вопрос об уроках взаимодействия власти и интеллектуалов в эпоху застоя.

Я тут перечитывал интервью с российскими социологами в связи с моими заметками о нарративной идентичности и дискурсом социологов не/эмигрантов и все думал, насколько опыт тех лет остается актуален. Отношения интеллигенции и власти, возможность работы в госаппарате, необходимость отчитываться перед чиновниками, прессинг сыскного ведомства, границы разумного компромисса, участие в протестах, эмиграция (своя и своих) – все это нам хорошо знакомо. Вопрос:

ДШ 19. В какой степени уроки прошлого приложимы к сегодняшнему дню? В брежневские времена вам приходилось считаться с требованиями чиновников, испытывать давление органов госбезопасности – что изменилось в этом отношении в постсоветские годы? Испытывали вы давление властей на работу института и свои проекты в постсоветские годы? Как бы вы сравнили работу КГБ и ФСБ?

Путин – не только продукт советского строя, креатура секретных служб, но и выпускник Баскова переулка в Ленинграде, где он с братьями Ковшовыми терроризировал сограждан, о чем Путин упоминает вскользь в своих мемуарах (“Конечно, я же хулиган был... Я на самом деле был шпаной”. “От первого лица”, с. 19). Тут он явно не договаривает, мелким хулиганством дело здесь вряд ли ограничилось. Из книги Олега Блоцкого¹ мы знаем, что жители дома в Басковом переулке потеряли терпение и на общем собрании потребовали отправить отрока в колонию. Кто знает, как бы сложилась судьба страны, которой Путин теперь правит, если бы не поручительство отца, спасшего пахана-малолетку от серьезных не-

приятностей. Что-то здесь можно списать на трудности роста, но думаю, не все. События в станице Куцевской, где местная банда при содействии начальства годами терроризировала население, можно рассматривать как парадигму власти братков с Баскова переулка.

Или возьмите чувство юмора президента. На пресс-конференции журналист задает Путину вопрос о правах человека в Чечне, после чего тот предлагает журналисту приехать в Россию на операцию обрезания и обещает “сделать эту операцию таким образом, чтобы у вас уже больше ничего не выросло”. А вот реакция Путина на обвинение в изнасиловании, предъявленное Моше Кацаву, президенту Израиля: “Оказался очень мощный мужик! Десять женщин изнасиловал! Я никогда не ожидал от него! Он нас всех удивил! Мы все ему завидуем!” Взгляд Путина на отношение прессы и властей в том же ключе: “Власть, как мужчина, должна пытаться, а пресса, как женщина, должна сопротивляться”. Оставляя в стороне фрейдистские толкования, можно заключить, что тема насилия – ключевая в юморе нашего альфа-самца.

Во время президентской кампании 2000 года Путин обещал покончить с анархией и коррупцией в стране, уверял о приверженности демократии и необходимости сохранить выборность губернаторов (см. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_putindemo.html). Основой перемен, заверил Путин своих избирателей, станут сотрудники госбезопасности – единственной силы в стране, не подвергшейся и не подверженной нравственной коррозии в постсоветские годы. Теперь мы знаем цену его обещаний – коррупция в стране достигла невиданных размеров, силовики ведут себя как опричники, права человека попираются, выборы губернаторов отменены, демократические партии запрещены, суверенности хоть отбавляй, а народовластием и не пахнет. Хотелось бы в этой связи задать еще один вопрос.

ДШ 20. Как вам кажется, есть ли существенные различия между Путиным и Медведевым? Подписали бы вы открытое письмо Мариэтты Чудаковой и ее коллег², сделавших ставку на Медведева? Какую позицию в предстоящих выборах следовало бы занять интеллигенции? Куда, по вашему мнению, движется страна?

Ваш, Дима

¹ Блоцкий О. Владимир Путин. История жизни. М., Осмос Пресс, 2001, с. 71.

² См. “Выбор есть. Обращение к гражданам России”, <http://www.novayagazeta.ru/politics/47224.html>.

17 июля 2011

Дорогой Дима, сейчас мне компьютер недоступен, вернусь в Москву в начале сентября. Привет! Володя.

<...>

8 апреля 2014

Привет из Лас-Вегаса, Володя.

Уже писал вам о специальном выпуске журнала, посвященного Ирвингу Гофману. Он только что был опубликован, и издатель оставил его в режиме свободного доступа (<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/symb.2014.37.issue-1/issuetoc>). Там есть любопытные сведения о российских/эмигрантских корнях этого самого цитируемого американского социолога. Будет время, посмотрите.

Я тут перечитал нашу переписку, в которой мы обменивались мнениями о социологии и социологах, делах российских и американских. Подумал, хорошо бы продолжить наш разговор, особенно в свете последних событий.

Пересылаю вам сводный текст нашего диалога. Если будет время, силы и желание, то поделитесь мнением по поводу событий в Украине, аннексии Крыма и реакции на эти перемены российских интеллигентов, социологов и не социологов. Ниже мой вопрос в развернутой форме.

ДШ 21. В годы перестройки у наших коллег появилась возможность отмежеваться от прошлого, реконструировать свою идентичность. Потом пришел к власти Владимир Путин, стал завинчивать гайки, требовать лояльности от интеллигенции, угрожая тем, чьи взгляды отклоняются от уставных. Сейчас российские интеллектуалы снова стоят перед выбором — отстаивать свои права на свободу слова, рискуя при этом потерять работу, а то и свободу вообще, или замкнуться, уйти в личную жизнь в надежде, что тебя оставят в покое. Эксперимент столь же жестокий, сколь и естественный. Вопрос — как в этих условиях ведут себя наши братья социологи-интеллигенты? Куда движется общество в условиях военного угара и национал-патриотического порыва?

Всего доброго,
Дима

8 апреля 2014

ПРИВЕТ, ДИМА. С УДОВОЛЬСТВИЕМ ПРОДОЛЖУ НАШ РАЗГОВОР. И СПАСИБО ЗА ГОФМАНА.

ВОЛОДЯ

8 апреля 2014

Володя,

Спасибо за быстрый ответ. Жду с нетерпением ваших размышлений.

Дима

21 апреля 2014

ПРИВЕТ, ДИМА. МОЙ ОТВЕТ НИЖЕ. СЕЙЧАС ЕДУ ПОЧТИ НА МЕСЯЦ В ПИТЕР, ГДЕ В ПОЧТУ ВЫХОДИТЬ НЕ БУДУ. ТАК ЧТО ПРЕРЫВАЕМ РАЗГОВОР ДО МОЕГО ПИСЬМА ИЗ МОСКВЫ.

ВОЛОДЯ

ВЯ 21. Ты, Дима, сильно преувеличиваешь меру репрессивности путинской власти. Да, журналисты находятся под контролем, иначе рискуют. Ученые гуманитарии могут выбирать лизоблюдство (= денежки) или же сохранение своего достоинства. Наши братья, как ты это обозначил, вполне свободно публично высказываются, например, Лев Гудков на «Эхо Москвы», в академических публикациях — тем более. На конференциях в Вышке, в Шанинке, в нашем институте рисуют мрачную картину будущего, если не принять решительных мер немедленно (главным образом отказаться от нефте-газовой зависимости), симпозиумы «Пути России» рисуют сползание к авторитаризму. И т.д.

Я полагаю, что Путину наплевать на бурчание либералов, бандерлогов в его терминологии. Протестные же *действия* он, гэбэшник, никоим образом позволить не может. Будущее представляется мне в мрачных тонах. Теперь, после шумного разрыва с Западом, у Путина отпала необходимость какой-либо демонстрации «приличного поведения». Мы же должны продолжать свое дело.

21 апреля 2014

Спасибо, Володя.

Свяжемся через месяц. Доброго пути.

Ваш, Дима

[Конец переписки]